

Екатерина Мурашова

Детдом

Анжелика и Кай

Екатерина Мурашова

Детдом

«Автор»

Мурашова Е. В.

Детдом / Е. В. Мурашова — «Автор», — (Анжелика и Кай)

В третьем романе любовно-авантюрной трилогии «Анжелика и Кай» все сюжетные линии стягиваются в тугой узел. Четверо юношей и девушка из интерната для детей с нервно-психическими заболеваниями под руководством Аркадия организуют группу под названием «Детдом». Группа имеет успех. Одновременно в Россию возвращается выросший Кешка-Кай, к которому после сеансов психоанализа в Цюрихе, возможно, вернулась память. Кай знакомится с ребятами из ансамбля и принимает участие в их деятельности. При этом он безуспешно пытается заново выстроить отношения с дочерью Анжелики, которая когда-то, много лет назад, инициировала его возвращение к людям. А поиски креста Ефросинии не заканчиваются ни на минуту...

© Мурашова Е. В.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	31
Глава 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Екатерина Мурашова

Детдом

Глава 1

– Это был настоящий сумасшедший. Он лежал в Бехтеревке и у него был диагноз, который ему поставили в Военно-Медицинской Академии. А там, говорят, с диагнозами никогда не ошибаются. Но он как-то это все скрывал и даже умудрился устроиться в детский дом воспитателем. А там он почему-то вспомнил, что когда-то играл на бас-гитаре в школьном вокально-инструментальном ансамбле и даже пел про бабочек, которые летали в автобусе. Тогда про них все пели, и в каждой школе были ВИА. Их ВИА назывался «Шестое Чувство», а потом они все куда-то делись, словно и не было, как туфли на платформе или сапоги-чулки. И вот у него на шкафу каким-то чудом сохранилась бас-гитара, и почему он ее не продал с голодухи, он и сам сказать бы не мог, а потом сказал: Бог меня хранил, потому что где-то, не то в психушке, не то в тюрьме к ним приходил поп и говорил, что все, кто верит, спасутся. И он поверил, крестился, и теперь знал, что спасется, что бы не случилось. И получилось так, что в этом детдоме в кладовой лежали ударные, не бог весть что, но все же. И еще он нашел старого приятеля, еще со школы, рассказал про детдом, и после третьей бутылки приятель заплакал и отдал свою гитару и так получился полный набор, хоть сейчас начинай. Но это же был не просто детдом, а для детей с отклонениями и у всех у них на лицах написано, но он всех перешерстил и нашел-таки пятерых, у которых был слух и даже голос. И стал с ними заниматься, а они сперва вообще ничего не понимали, но потом втянулись и даже полюбили его. А у девчонки лицо стало не такое дебильное и волосы отрасли и оказалось, что она вовсе даже ничего. А учителя стали говорить, что у всех пятерых – явный прогресс и все это надо продолжать, но тут у него наступило обострение, потому что ему хотелось с девчонкой этой спать и она была не против, но он понимал, что это нельзя, потому что – дети, и очень мучился, а потом ему привиделось, что она пришла к нему ночью в комнату по карнизу, и он закрасил окно синей гуашью, а она стала светиться и видна была, как золотой силуэт, и тогда он заперся в коммунальном туалете и не хотел выходить, и соседи его час уговаривали, потому что он был вообще-то тихий и они его любили, а потом – сколько же можно без туалета – вызвали транспорт и его увезли. А ансамбль не распался и стал называться просто «Детдом», потому что у них фантазии совсем не было. И начальство велело им выступить на каком-то там благотворительном концерте, где спонсоры подарили детдому мягкую мебель, и они выступили, и спели какую-то песню, которую еще он для них сочинил, и все рыдали, потому что они совсем не кривлялись, стояли ровно и все были одинаково одеты. И тогда за них кто-то взялся, и устроил им выступления и гастроль по провинции, и везде был большой успех, потому что они были ни на кого не похожи, а музыка была еще его, шизофрениковская, и от нее все тащились, а потом они и сами научились, потому что – с отклонениями.

И они стали петь и играть, одна девочка и четверо пацанов, и им многие сначала помогали, за просто так, потому что невозможно же – когда все за деньги и за связи, любая душа от этого устает, и хочется, чтобы где-то что-то еще было. Вот они и были это самое «еще» и всем сначала казалось, что им помогать – это чистая благотворительность, и люди сами собой гордились и в зеркало себе улыбались хорошими улыбками. А потом вдруг как-то разом все поняли, что это что-то совсем другое, а они выступали в каких-то концертах вместе с другими группами, и когда они выходили, без всякого антуража, и дыма, и лазеров, и всех этих дерганый, то зал сначала смеялся и шикал, а потом вдруг замолкал и как будто бы сдувался или как будто бы все разом выпили какие-то таблетки, успокаивающие или еще какие, а девочка была

в черном платье и в белых носках, почти без косметики, и все видели, что у нее лицо такое не ровное, без пудры, и один единственный луч светил на сцену, и еще один куда-то вверх, как будто бы там была звезда, и она пела, к ней обращаясь, а один из пацанов научился играть на саксофоне, и еще один на цитре, потому что им ее кто-то подарил, и все это делало их вообще ни на что не похожими, потому что такой набор инструментов совсем не должен звучать, а у них – звучал, но играли они как-то негромко, и слышно было только девочку, а остальное – как будто бы вдали, за холмом, и с залом что-то такое делалось, не знаю даже как объяснить, он словно полегал, как ковыль под ветром, и все это так мягко и совсем-совсем по-другому. И руководителем ансамбля стал один из мальчиков, который играл на саксофоне и у которого в общем все получалось, потому что он единственный из них мог что-то решать и вообще – думать. Он, правда, до седьмого класса не умел читать, но это потому, что у него с самого начала был очень сильный и самостоятельный характер, и его кормили какими-то таблетками, чтобы было удобнее с ним справляться. А когда он таблетки начал за щеку прятать и в туалет спускать, то у него сразу способности к учебе повысились и читать он научился месяца за три. А потом, когда начал в ансамбле играть, так им стали все учителя гордиться, и приводить в пример на всяких совещаниях, потому что – огромный прогресс, реконвалесценция основного заболевания, и вообще – музыкотерапия, как метод, себя оправдала, и надо внедрять ее шире, и глубже... А вообще-то их детдом числился в Питере передовым, и в программе у них был такой предмет – «этикет», чтобы все эти с отклонениями умели вилку держать, и здороваться правильно, и благодарить, и в целом вежливо разговаривать. И ему учительница этого «этикета» как-то сказала:

– У тебя, в отличие от большинства, есть шанс. Если постараться, тебе удастся и весь ваш ансамбль в нормальную жизнь вытащить. Поэтому мой предмет для тебя – главный. Научись, как правильно с людьми обходиться, никто в тебе никаких отклонений и не заподозрит. Слушай и запоминай.

Он так и делал – слушал и запоминал. А потом так и говорить стал, как его преподавательница «этикета» учила. Все думали – это у него стиль такой, специальный. Остальные-то из ансамбля – они на людях вообще больше молчали. Он им так велел. Они слушались – да им и самим так проще было. А он мог сказать залу:

– Сейчас я осмелюсь попросить вас о любезности – давайте одну минуту послушаем тишину. И в эту минуту, пожалуйста, если это для вас не очень затруднительно, посмотрите на того, кто сидит рядом с вами. Ничего не говорите, просто посмотрите. Пожалуйста.

И в зале, полном сумасшедших тинейджеров, минуту стояла гробовая тишина, и все смотрели друг на друга, а потом снова звучала эта странная, шизофрениковская музыка из-за холма, и девочка пела, обращаясь к звезде, и в головах что-то происходило, и на каждый их концерт приходило все больше и больше народу, и теперь уже речь не шла о благотворительности и многим хотелось их «окучить», но они же все-таки были с отклонениями, и для них все устраивала все та же немолодая тетка, которая взяла их с самого начала, со времен спонсорского концерта и мягкой мебели. По первой специальности она была педагог-дефектолог, и хотя много лет проработала где-то в роно и профсоюзах, и называла себя «культурмассовый организатор», но все-таки, видать, образование помогало ей их понимать, и она даже специально окончила какие-то менеджерские курсы, а всем остальным мальчик-руководитель вежливо говорил:

– Пожалуйста, выйдите отсюда, – и они выходили, потому что «что с идиотом разговаривать!», да и в глазах у него полоскалось что-то такое...

А потом им все стали говорить, что надо выпустить диск и сделать клип, потому что у современного шоу-бизнеса свои законы, и только так можно выйти на большую дорогу, и мальчик-руководитель растерялся, пошел в психиатрическую больницу к ихнему гуру и спросил того, что им теперь делать и нужно ли им вообще на большую дорогу, или можно остаться на

маленькой. Гуру попросил принести побольше «беломору» и взял на раздумья два дня. Через два дня они пришли к нему всем ансамблем плюс тетка-организатор, но всех не пустили, сказали: по одному! – и они все стали нервничать и волноваться, а гуру-шизофреник за железной дверью кричал, что это нарушение прав человека, и он будет жаловаться в Совет Европы, а тетка шепнула лечащему врачу, что ребятишки-то из специфического интерната, и все друг с другом в эмпатической связи, и есть ли тут лишняя палата, если у них у всех разом начнется обострение... Тогда гуру выдали ватник и шерстяную шапочку и выпустили в больничный садик на скамеечку, и там у них состоялся совет, на котором гуру однозначно заявил, что на большую дорогу выходить можно, но клип должен делать человек, которому он, гуру, доверяет. Этим человеком оказался гурин друг детства, талантливый музыкант, с которым они когда-то вместе лежали в психушке, и он тоже слышал голоса и все такое, но потом ему в голову пришла гениальная идея – он решил стать пьяницей, чтобы алкогольные зеленые чертики сцепились с шизофреническими голосами, занялись друг другом, и все вместе оставили его в покое. Тогда идея показалась приятелям безупречной, но будущего гуру подвела физиология – его организм категорически не принимал алкоголь. Приятель, однако, достиг недюжинных успехов и даже успел поучиться в консерватории и на историческом факультете университета, а после окончательно спился и сейчас работал ночным сторожем на каком-то никому не нужном складе.

– Вас не затруднит сообщить нам адрес? – попросил мальчик руководитель, совершенно не удивляясь будущему сотрудничеству. Тетка-продюсер тяжело вздохнула, но ничего не стала говорить, так как, будучи единственным психически нормальным членом этого коллектива, понимала, что находится в явном меньшинстве. А принципы демократического централизма тетка уважала еще со времен комсомольско-партийной молодости.

И они сразу из больницы отправились искать гуриного друга, потому что мальчик-руководитель ничего никогда на потом не откладывал. Ему еще логопед в интернате об этом говорила. У тебя, вещала логопед, ко всем твоим прочим радостям еще и синдром дефицита внимания, поэтому все, что нужно сделать, следует делать сразу же. Потом у тебя ничего не выйдет. Он запомнил и так всегда и поступал, потому что всегда слушал, что ему умные люди говорили. Про свой-то собственный ум он еще в интернате все хорошо понял.

Но гурин друг с работы давно уволился, квартиру поменял на комнату и три ящика водки, и где его искать, никто не знал. Тетка-организатор уже начала тихо на что-то надеяться, но это она делала зря, потому что отступать они совсем не умели, просто не знали, как это делается. И они разослали везде гонцов из числа своих поклонников, к тому времени уже очень многочисленных, и в конце концов отыскали его в его же комнате, в которую входить можно было только в противогазе. А он в ответ на все попытки поговорить орал диким голосом: «Пошли на..., сволочи!» – и даже тетка-дефектолог начала роптать, что такое как бы слишком даже для их группы, но мальчика-руководителя все это совершенно не поколебало, потому что он получил указания сделать с этим человеком клип и диск, а все остальное были разные препятствия, которые следовало преодолеть.

И тогда они вызвали сантранспорт и забрали его, а квартирные бабки-соседки крестили их вслед и призывали на их головы всяческие благословения. Потом они почитали газету «Из рук в руки», заплатили за все, и поместили гуриного друга в Бехтеревку на ускоренный курс детоксикации и реабилитации. Первые трое суток он спал, а потом еще трое суток орал благим матом в индивидуальной палате, а они по очереди с ним сидели и выносили судна с блевотиной. Потом дело пошло на лад, и когда он спустя месяц оттуда выписался, у него оказалось такое одухотворенное лицо, похожее на Пастернака, Блока и Высоцкого одновременно и незадолго до их смерти...

И он сразу же сказал, что клип может быть только черно-белым, и выбрал для него их фирменную песню «Детдом», которая была конкретно про брошенных детей, но вообще-то

про то, что все мы потерявшиеся в этом мире детдомовцы, и хотя каждый из нас на что-то надеется, на самом-то деле надежды «найтись» почти ни у кого нет.

Денег у них, конечно, особенных не было, но уже все, кроме них самих, понимали, что они – супер, эксклюзив, ноу-хау, и готовы были дать, чтобы потом поиметь в сто раз больше, потому что «культмассовый организатор» с пергидролевой химией на голове – это же несерьезно, а настоящая раскрутка только начинается и в результате можно черт те чего добиться. Но клип получился все равно очень простой, потому что они сами не хотели, чтобы было сложно и что-то мелькало. Они этого просто не понимали, потому что с отклонениями и уследить, если быстро двигается и меняется, не могли. Он был, как собирались, черно-белый и вообще-то такой, что от него у всех мурашки по спине бегали. Просто ряды каких-то серых столов, уходящих вдаль, и за ними сидят одинаково одетые люди и что-то ложками из мисок едят. То ли тюрьма, то ли лагерь какой, то ли колония во время обеда, и камера чуть-чуть подрагивает и рыщет туда-сюда, как будто не может найти точку обзора, и задник где-то теряется в какой-то белесой дымке, и все выглядит как-то очень непрофессионально. А потом вдруг где-то наверху открывается окно и оттуда падает солнечный луч, а в нем кружится пыль. И люди начинают поднимать головы от мисок и смотреть, а камера торопится к ним, и понимаешь, что все эти, сидящие за столами, не взрослые, а дети. А камера временами уже откровенно дрожит, как будто там кто-то не может сдержаться и не то плачет, не то мандражирует по-страшному, хотя движется она по-прежнему медленно, и показывает то руку с ложкой, то глаза, то лицо целиком. И все время за кадром мерещится дикий крик, хотя и музыка негромкая, и слова тоже:

«– Где мое место в этом мире?

– Я спрашиваю вас. Я спрашиваю вас!

– Но вы не знаете ответа-а-а...»

И кажется, что вот сейчас кто-то наяву заорет, и музыка ударит, как это бывает во многих клипах, которые делают профессионалы, и ждешь этого сначала спокойно, но ничего не происходит, и от этого делается все напряженней и непонятней, а потом эта дымка, которая похожа на бельмо, начинает все заволакивать, а камера начинает торопиться, чтобы успеть показать еще одно лицо, еще, еще... но явно не успевает, и музыка уходит за холм, и уже ничего не видно, но вдруг в самый последний миг мерещится, что все эти, там, в дымке, за столами, начинают вставать... и это отчего-то так страшно, что просто спина леденеет... И на этом все кончается, и уже из ниоткуда, мягко и повествовательно: «Я спрашиваю вас...»

Я не знаю, на кого это вообще-то рассчитано, но душу вытягивает – это точно...

Рассказчик замолчал, кивнул в знак того, что сказал все, что хотел, по-новому и как-то очень ловко обвил ногами ножки высокого табурета и потянулся за кружкой с пивом, которая стояла перед ним на столе. Четверо слушавших – трое мужчин и одна женщина – зашевелились и тоже приступили к ритуальным действиям: женщина неторопливо закурила тонкую и длинную коричневую сигаретку; один из мужчин – высокий и как-то неловко скроенный в районе талии – щелкнул дорогой зажигалкой и поднес ей огонек; самый пожилой из присутствующих поднял высокий стакан с минералкой, по стенкам которого медленно двигались пузырьки газа; последний, сидящий в слегка вызывающей позе ощутимо поодаль от остальных, цедил пиво из фирменной кружки, на боку которой переплелись две буквы, обозначающие название бара.

Интерьер бара не отличался чем-то особенным, но по какому-то легко уловимому, но трудно расшифровываемому единообразию лиц немногочисленных посетителей было понятно, что «чужие тут не ходят». На трех столиках из приблизительно восьми имеющихся в наличии горели плавающие свечи. Букеты из сухой травы и цветов стояли в высоких напольных вазах. Станноватые, явно авангардистские рисунки, в простых рамках висящие на стенах, производили впечатление подлинников. Подлинников – чего или кого? – подобный вопрос мог

бы, наверное, озаботить случайного обывателя, но, как уже говорилось, случайные обыватели сюда практически не попадали. На столах и даже на стойке лежали некрашенные льняные салфетки с мерзкой по одному из краев и монограммой из двух переплетенных букв в углу – все то же название бара.

По каким-то причинам мужчины изображали из себя джентльменов и ждали, пока выскажется женщина.

– В наше время уже не бывает ничего стоящего, валяющегося на дороге, – у женщины оказалось приятное, чуть хрипловатое контральто. – Я в это просто не верю. Здесь есть какой-то подвох. Возможно, они все сидят на амфетаминах или на героине – не случайно же их в детстве кормили таблетками...

– Если и так – что нам до этого? – пожал плечами старший мужчина. – Разве нам впервой иметь дело с наркоманами? И что это меняет? В чем-то это даже удобнее, ведь если регулярно снабжать их качественным продуктом и следить, чтобы не превышали дозу...

– Никому и никогда не удавалось уследить даже за одним наркоманом! – наставительно подняв палец, сказал мужчина, который давал женщине прикурить. – Вся история западной эстрады – тому примером. Рано или поздно происходит срыв...

– Срыв рано или поздно происходит в *любом случае*, – флегматично заметил старший и на мгновение прикрыл глаза тяжелыми коричневыми веками. – Весь вопрос – в соотношении затрат и прибыли. Ознакомившись с конкретными обстоятельствами, мы можем заранее запланировать время действия проекта. Например, три или пять лет. Не знаю, заметили вы или нет, но в последнее время все как-то ускоряется. Мне лично кажется, что время имен и проектов, которые работают и приносят прибыль десятилетиями, *вообще* уходит. Сейчас мы видим на эстраде последних мастодонтов. Вы, те, кто помоложе, сможете потом этим даже гордиться...

– Я бы предпочел гордиться чем-нибудь еще, – независимо заметил тот, который сидел поодаль. – Чем-нибудь, сделанным своими собственными руками. Если вам неинтересно – флаг вам в руки, барабан на шею и семь футов под килем. Я займусь этим сам. В отличие от вас я видел не только запись их концерта, но и тот самый клип, о котором нам только что рассказали. Это, конечно, еще очень сыро. Но при том – не хорошо и не плохо. Потому что нет образца для сравнения. Это, как совершенно справедливо заметил милостивый государь, – кивок в сторону недавнего рассказчика. – *другое*. Перпендикулярное тому, что есть. Из этого и следует исходить. Главный сегодняшней дефицит в нашей профессии отнюдь не таланты, не техническое оснащение, не деньги и даже не менеджмент. Главный дефицит – ноу-хау. Придумать то, чего еще не было. Две девочки-лесбиянки – хорошо, этого еще не было, значит, это пойдет. Три девушки: одна белая, другая черная, третья – рыжая – тоже хорошо. Мне вам рассказывать? А здесь – уже готовое ноу-хау, на которое *уже* откликнулась публика. Причем, вот удивительно, никто этого специально, напрягаясь, не придумывал, никто не раскручивал – само вышло. Машина, выигранная по лотерейному билету...

– Позвольте, как же – никто? – картинно удивилась женщина и поправила сползшую бретельку платья цвета раздавленной вишни. Розовый с золотом платок, который прежде лежал на ее плечах, она уже давно повесила на спинку высокого стула. – А тот сумасшедший, который создал группу «Детдом»? И еще один – которого они лечили в Бехтеревке? И та женщина в кримпленовом костюме?

– Что за костюм? – цепко удивился молодой. – О костюме ничего не говорили.

Женщина вопросительно взглянула на рассказчика. Он кивнул и улыбнулся ей кривоугой улыбкой:

– Костюм действительно есть. Синий с юбкой до середины колена, с белым отложным воротником и такими же манжетами. Она говорит: отличный материал кримплен – двадцать лет ношу и все сносу нету... Здорово вы догадались!

Женщина победительно улыбнулась, а мужчина, сидящий поодаль, прищурился и произнес:

– Простите, мадам! Я понял свою ошибку. Мое поколение просто не помнит таких древностей, как кримпленовые костюмы.

Женщина тут же нахмурилась и выпала из беседы. Она не любила, когда ей напоминали о ее возрасте. Видно было, что ей хочется достать пудреницу с зеркальцем, заглянуть в нее и убедиться, что с ней по-прежнему все в порядке.

– Всех троих придется как-то убогатворить, – сказал мужчина, допивший свое пиво. – С профсоюзной активисткой, я думаю, проблем не возникнет, а вот двое сумасшедших...

– Можно взять их в дело, – усмехнулся старший. – Поместить в загородный пансионат. Пусть пишут музыку и слова. Если, конечно, они еще в состоянии...

Некоторое время все, в том числе и сидящий поодаль, не торопясь, со вкусом обсуждали какие-то детали. Официант принес старшему еще стакан минералки, остальным мужчинам еще пиво и соленые крекеры к нему, а даме – кофе и сухое пирожное на крохотном блюде с бумажной салфеткой, изрезанной в кружево. Настроение компании стало ровным и профессиональным.

– Вы не понимаете! – сказал рассказчик, о котором все как будто забыли. – Все, что вы сейчас говорите, не имеет смысла. Они просто не станут иметь с вами дело.

– Такие вещи обсуждаются, – невозмутимо возразил старший из собеседников. – Условия бывают разные, для каждого они свои...

– Они – с отклонениями, я же пытался вам объяснить... Их не интересуют деньги и слава, а это, если отбросить всякую туфту, все, что вы можете им предложить...

– Не думаю, чтобы все обстояло так печально, – улыбнулся мужчина, который давал даме прикурить, а сейчас, повинаясь ее жесту, набросил на ее открытые плечи платок. – Среди нас нет новичков и дилетантов. Думаю, что, если мы примем положительное решение, то сумеем спокойно договориться. А если нет... что ж, есть разные способы склонения к сотрудничеству...

Глава 2

– Удивительно вкусно, если поджаренный на сливочном масле кусок булки намазать вишневым вареньем. Только именно вареньем, понимаете? Я имею в виду – не иностранным джемом, который похож на хорошо оформленную и правильно ароматизированную замазку, а именно настоящим вареньем, чтобы ягоды свободно плавали в прозрачном сиропе и сами были на вкус такие чуть-чуть резиновые, и на них можно было надавить языком и ощутить такую гладкую упругость... А булку намазать с двух сторон сливочным маслом и просто обжарить на сковородке. Конечно, ни о какой микроволновке и не может быть и речи, она все испортит. Просто поразительно, какое в ней все получается ненастоящее и невкусное. Хотя что тут удивительного? Мой сокурсник по Университету, который приехал учиться из города Кирова, рассказывал, что еще давно, когда на Западе только начали эти микроволновки выпускать, наши подсустились, и то ли украли технологию, то ли сами быстренько скумекали, и стали в этом самом городе производить советские микроволновые печки. Они, естественно, были куда дешевле зарубежных, и даже (что удивительно!) по дизайну не очень уступали своему западному прообразу. Только один недостаток у них был. Как-то там эти микроволны еще не очень удачно распределялись, и готовить можно было не только *внутри* этих печек, но и *снаружи*, если знать, куда поставить тарелку... Потом этот ударный эксперимент прикрыли, конечно, и нынешние микроволновки не чета тем, но все-таки... что-то такое не совсем нормальное в них до сих пор осталось... Так вот булка должна получиться золотой и хрустящей, чтобы чуть-чуть царапала язык, а в середине она обязательно пропитается вишневым соком и он будет капать на пальцы, и его, конечно, надо слизывать, и запивать сладким чаем...

Говоря все это, высокая женщина с пышными, почти седыми волосами и лицом, словно написанным средневековой кистью – никакой красоты, правильности и симметрии, только значительность, – выставила на стол чашки, сахарницу, розетки и банку с вишневым вареньем.

– Тетя Анджа, вы свой талант в землю зарываете, – заметила крупная молодая женщина с ленивыми движениями и ленивыми же, чуть раскосыми зелеными глазами. – Вам надо кулинарные книги писать. Вы всегда так вкусно рассказываете... А только где же нынче в Питере возьмешь настоящее вишневое варенье? Джема-то этого в супермаркетах сколько угодно...

– Такое варенье варят на Украине. Ну и у нас на юге, – объяснила та, которую молодая женщина назвала странноватым именем Анджа. – А у меня оно от Иры. К ней родственница из Краснодара приехала и привезла две огромные пластмассовые бутылки с вареньем. И мешок грецких орехов. Ну, Ирка мне и налила две баночки...

– Мам, бросила бы ты нам зубы заговаривать, а? – попросила третья из присутствующих в комнате женщин. Когда она встала, чтобы помочь матери принести из кухни поджаренную булку, Анджа сразу перестала казаться высокой. Дочь была едва ли не на полголовы выше матери, на вид ее рост достигал не менее ста восьмидесяти пяти сантиметров. – Скажи лучше сразу, зачем звала, чтоб не думать. Я твоих новостей боюсь.

– Потому и Настю с собой прихватила? – спросила Анджа. – Для моральной поддержки?

– Настька сама напросилась. Позвонила мне, я ей сказала, что к тебе поеду, а она говорит: «Ой, я тетю Анджу сто лет не видела!» – Ну, я ее и позвала. Неудобно было бы, если бы не так, верно? Надо же вежливость проявлять – ты сама меня учила, – дочь Анджи говорила так, как будто Насти в комнате не было.

Настя безмятежно шурилась в кресле, ее зеленые глаза были мечтательно полуприкрыты. Длинные пальцы держали розетку с вишневым вареньем, и она осторожно, ложечкой вылавливала оттуда по одной вишенке и клала на язык. Пальцы и вообще руки Насти казались значительно менее сонными, чем все остальное.

– А что, Настя, как у тебя дела? – спросила Анджа, отворачиваясь от дочери и спиной демонстрируя неодобрение ее бестактности. – Миллионершей еще не стала?

– Не зна-аю, – протянула Настя. – Это надо спросить...

– Замуж-то не собираешься?

– А заче-ем? Мне и так не пло-охо...

– Ну, ребенка родить...

– Ребенка, это я собираюсь, да, – слегка оживилась Настя. – А что, тетя Анджа, вы думаете, уже пора?

Анджа выразительным взглядом окинула полное, налитое Настино тело, ее обширные груди под тонким голубовато-розовым джемпером и выразительно кивнула:

– Пора!

– Ой, – Настя не очень ловко повернулась в кресле и капнула на брюки вишневым вареньем, обнаруживая некоторые признаки беспокойства. – Вот так уже, да? И ты, Антонина, тоже так считаешь?... Ну ладно тогда. Но это же так лень...

– Что лень, Настена? – не поняла Анджа. – Рожать ребенка?

– Да нет, ребеночек тут не при-ичем, – снова застопорилась Настя. – Как он может быть... Я к тому говорю лень, что это же самца подходящего искать на-адо...

Анджа поморщилась, а Антонина широко улыбнулась. Исключительно из-за общих размеров Антонинино организма ее широкая улыбка получилась слегка хищной и похожей на оскал.

– Хочешь, я тебе своего Виталика напрокат дам? – предложила она. – Он не курит, не пьет, ест только полезные продукты с не истекшим сроком годности. И искать его не надо. Когда не на работе, так дома перед телевизором сидит или в клубе в бильярд играет.

Настя пошире распахнула глаза и как будто всерьез задумалась над прозвучавшим предложением. Потом поставила розетку с вареньем на стол и медленно покачала головой:

– Ты, Тося, только не сердись, но мне умного надо. Я-то школу только за взятку закончила, так что сама понимаешь...

– А что тебе Виталик, дурак, что ли? – обиделась Антонина. – Он, если хочешь знать, все кроссворды на раз решает...

– Да нет, я ничего плохо-ого... – сказала Настя и деликатно зевнула, прикрыв рот сильной, как будто бы не от этого тела, ладонью. – Конечно, твой Виталик очень умный, но... – она помолчала, отыскивая образы, которые смогут донести до слушателей ее мысль. Никаким другим способом ее мысли на свет не рождались. – Понимаешь, у него такой ум, как бритая коленка, а мне нужно наоборот, чтобы как расточек с листочками из земли... Хочешь, я нарисую?

– Да иди ты со своими рисунками! – сердито отмахнулась Антонина.

– Девочки, не ссорьтесь! – скрипучим голосом гувернантки из английского романа сказала Анджа.

Настя сонно и доброжелательно улыбнулась ей и пожала плечами, указывая взглядом в сторону Антонины: мол, я не хотела.

– Она сама виновата! – также, взглядом и жестами ответила Анджа.

– Но ты все-таки скажешь...?

– Разумеется. Олег и Кешка приезжают в Россию. Олег не слишком распространялся по телефону, он не доверяет конфиденциальности международных линий, но кажется, Кешка, наконец, что-то вспомнил...

– Ого! – удивилась Антонина. – Ну что ж, лучше поздно, чем никогда. Это после того, как они в прошлом году ездили в Швейцарию, к психоаналитикам?

– Не знаю, ничего не знаю. Приедут и все расскажут.

– А он, Кешка, вообще-то может рассказывать? Отец мне писал, что у него речь так до конца и не восстановилась.

– Учитывая все обстоятельства...

– А можно мне узнать, о чем речь? – спросила Настя. – Или это что-то... конфиденциальное? – она с видимым трудом выговорила длинное слова и на мгновение удовлетворенно прикрыла глаза, явно гордясь богатством своего словарного запаса.

– Старая история, – фыркнула Антонина. – С приключениями и продолжениями. Потерянные дети, потерянные сокровища – в общем, мексиканский сериал в самом прямом (учитывая место проживания моего папочки) смысле слова.

– Ой, Тося, тетя Анджа, расскажите пожалуйста! – Настя молитвенно сложила ладони у пышной груди. – Я просто обожаю сериалы! Смотрю все, которые успеваю. Под них все так хорошо идет – и есть можно, и спать, и работать... Мне так «Бедная Настя» понравилась! Я прямо так переживала за принца Александра и эту... Натали, кажется... Прямо даже плакать все время хотелось, как у них ничего не вышло. Но как плакать я не умею, поэтому все кисель ела. Варила и ела, варила и ела, прямо кастрюлями...

– Настышка, ты со своими сериалами скоро в дверь проходить не будешь, – заметила Антонина. – Застрянешь в проходе, как Винни-Пух и будешь «бедная Настя». Ни туда, ни сюда.

– Винни-Пуха я тоже люблю, – согласно качнула головой Настя. – И другие мультфильмы, где не очень быстро бегают. Когда быстро, я не успеваю. Поэтому и боевики не смотрю. А вот, тетя Анджа, я вас как раз спросить хотела: это когда все было-то, ну, про бедную Настю, я имею в виду?

– В семнадцатом веке, – быстро ответила Антонина. – Сразу после монголо-татарского нашествия.

– А-а, – протянула Настя. – Ну да. Спасибо, Тося.

Анджа тяжело вздохнула. Обе девушки не отличались особой интеллектуальностью и образованностью. Настя с трудом закончила швейное ПТУ, а Антонина после одиннадцатого класса выучилась на курсах секретарей-референтов и уже несколько лет работала по специальности. Соображая чуть быстрее приятельницы и заглядывая по утрам в «новости» сети Интернет, а вечером просматривая их же по телевизору вместе с бой-френдом Виталиком, Антонина не упускала случая уколоть Настю ее «дремучеством». Особенно она любила делать это в присутствии посторонних людей. Никаких психологических сложностей в этой бытовой стервозности не имелось. Налицо была обычная компенсация: последние пять лет Анастасия Зоннершайн оставалась едва ли не самым модным и востребованным дизайнером интерьеров, и получала за каждый выполненный ею заказ поистине баснословные гонорары. Когда имеющие деньги люди устали от однообразных «евроремонтов» (в сумрачном и вычурном Питере это произошло немного быстрее, чем в Москве), изобретенный Настей «торжественно-цветочный стиль», напрямую восходящий к советским поздравительным открыткам второй половины двадцатого века, приобрел поистине ошеломительную популярность в оформлении офисов, общественных зданий и даже жилых помещений. Так что Антонина элементарно завидовала.

– Если Александр II там еще молод, то, по-видимому, это пятидесятые годы 19 века, – сказала Анджа. – Может быть, конец сороковых. В 1861 году было отменено крепостное право.

– Ага-а, – снова согласилась Настя и бросила на Антонину умеренно укоризненный взгляд. – Так вы мне расскажете? Ну, тетя А-анджа-а... Я же все равно, можно сказать, член семьи...

По сути, Настя Зоннершайн была брошенным ребенком. История ее собственного воспитания пестрила вполне «мыльно-сериальными» моментами (Подробно история Насти рассказывается в романе «Земля королевы Мод» – прим. авт.), и даже ее звучная фамилия досталась ей от второго мужа второй жены ее кровного отца.

Анджа улыбнулась. Недавно в каком-то журнале она прочла интервью со звездой латиноамериканских сериалов. Российский журналист задал ей «каверзный», как ему, наверное, показалось, вопрос: «Вы – прекрасная актриса. Зачем же вы тратите свой талант на откровенное „мыло“?» – «Я люблю играть в сериалах!» – темпераментно воскликнула латиноамериканка. – «Но почему?!» – «Да потому что там все, как в жизни! Неужели вы не понимаете?!»...

Анастасия Зоннершайн не читала не только книг, но даже и журналов (кроме специальных, из своей сферы, да и там – больше смотрела картинки), но наверняка со всей возможной для нее горячностью согласилась бы с актрисой. Ее любовь к сериалам имела вполне объяснимую природу – по ним она познавала жизнь человеческих страстей, в ином контексте ей попросту недоступную.

– Олег – это родной отец Антонины, – сказала Анджа. – Он археолог, довольно известный в своих кругах, много лет живет в Мексике.

– Угу, – сказала Настя. – А Кешка – кто? Тосин брат по отцу? И про что он вспомнил?

– Это действительно длинная и сложная история, – пожала плечами Анджа (прим.авт. – Подробно история Кешки рассказывается в романе «Забывший имя Луны»). – Первый раз мы с Антониной увидели Кешку на Белом море, где я вела практику у студентов. Антонине тогда было 11, а Кешке около тринадцати лет. Он был совершенно диким ребенком и вел жизнь северного Маугли.

– Ух ты! – оживилась Настя. – Прямо совсем диким? Как в мультфильме? И звери были? Пантеры, тигры, обезьяны и все такое?

Похоже было, что Настя совершенно искренне не представляет себе, где именно находится Белое море.

– Обезьян и тигров не было, там для них слишком холодно, но вот волк, кажется, был. Правда, это не он вырастил Кешку, а, наоборот, Кешка подобрал и вырастил его.

– Все равно здорово! – глаза Насти раскрылись почти во всю свою величину и оказались весьма красивыми и ощутимо вытянутыми к вискам. – А дальше?

– От местных жителей мы, биологи, узнали, что Кешкина дикая жизнь объяснялась произошедшей за несколько лет до того трагедией. Во время волнения на море перевернулась лодка, в которой были родители мальчика и сам Кешка с младшей сестрой. Все, кроме Кешки, утонули, а ему удалось как-то доплыть и выбраться на берег.

По всей видимости, от потрясения у мальчишки случился шок и полная амнезия. Он не вернулся в опустевший дом и вообще не вернулся к людям. Ему было где-то около девяти лет. Конечно, он должен был бы погибнуть, если не от воспаления легких, то от голода или еще от чего-нибудь. Но – не погиб, а ушел жить в лесное зимовье своего отца. С ним ушла их собака. Я так и не поняла, был ли пес в перевернувшейся лодке, или Кешка как-то забрал его с подворья.

Там они и жили. Кешка ставил силки, ловил рыбу, потом – охотился. Летом – собирал грибы и ягоды, сушил их в печи, замачивал клюкву и бруснику. Деревенские жители уже знали о его существовании, и по наказу жен и матерей проходящие мимо охотники оставляли в кешкином зимовье мешочки с крупой, хлеб, соль и сахар.

– А отчего же его не выловили и не отправили... куда-нибудь? – спросила внимательно слушающая рассказ Анджи Настя. – Раз все знали, что он там живет...

– Видишь ли, Настя, нельзя застать врасплох существо, которое живет с собакой в лесу. А поймать кого-то в том же лесу... Понимаешь, в этом случае ловец должен быть физически сильнее и лучшим следопытом, чем тот, кого ловят. А на тот момент в том районе Беломорья как раз Кешка и был – лучшим. Он знал о приближении людей заранее, скрывался и не выходил к ним, и его месяцами и годами никто не видел...

Я и сейчас не знаю, чем его так заинтересовали приезжие биологи. Может быть, заслуга здесь – Антонины. Все-таки она тогда была еще ребенком, девочкой и, может быть, показалась Кешке не такой опасной, как остальные. А может быть, она пробудила в нем какие-то воспо-

минания о погибшей сестре... Во всяком случае, именно она первой вступила с ним в контакт, да и дальше он общался преимущественно с ней.

– Ага, понимаю, – кивнула Настя. – Это очень трогательно. Как в сериале. Ты ведь его до сих пор не забыла, правда, Тося?

– Вот еще! – фыркнула Антонина и отвернулась.

– Так или иначе, но инициация произошла. Кешкины мозги пробудились от травматической спячки и снова заработали. Правда, он так и не вспомнил саму трагедию с лодкой и почти ничего из того, что ей предшествовало. Я лично и сейчас не знаю, что именно сказала Кешке Антонина перед отъездом биологической экспедиции в Ленинград. Может быть, она и сама не помнит. Но факт остается фактом: менее чем через полгода Кешка сбежал с Беломорья и в товарных вагонах отправился на юг, в сторону Ленинграда-Петербурга.

Его способности к выживанию, по-видимому, оставались поистине колоссальными. И если к жизни в лесу он все-таки был приспособлен всей своей предыдущей, до травматической биографией, и имел какие-то определенные навыки, то существование в мегаполисе...

– Тося! – с упреком воскликнула Настя. – Ты что же, не оставила ему свой адрес?!

Антонина не ответила. Она смотрела в окно. Ее серые глаза были похожи на молодой лед, который покрывает только что замерзший пруд.

– Здесь следует учесть, – заметила Анджа. – что Кешка не только ничего не знал о жизни в городе и не умел читать и писать, но и практически не владел членораздельной речью и не понимал большую часть из того, что говорили ему самому...

– С ума сойти! – воскликнула Настя. Совершенно автоматически, явно не отдавая себе отчета в своих движениях, она вынула из сумки листок бумаги и коробку карандашей и начала что-то на листке рисовать. – И что же с ним стало в городе? Рассказывайте же скорей дальше, тетя Анджа!

– Первое время в городе Кешка вел жизнь, которую, вероятно, правильно будет сравнить даже не с жизнью бомжей или беспризорников, а с жизнью крупной бродячей собаки. Его подстерегали те же опасности, да и возможности у него были похожие. Однако, мозги его все это время работали уже вполне по человечески, и постепенно он заново обучался говорить и понимать окружающее его пространство. Приблизительно в это же время его подобрал один из руководителей тогдашних криминальных группировок, имевший то ли имя, то ли кличку Алекс. От этого Алекса Кешке впоследствии досталась фамилия – Алексеев. Алекс хотел сделать из Кешки не просто боевика (их тогда по просторам нарождающегося русского капитализма носилось в явном избытке), а боевика, преданного только ему лично, и во всем от него зависимого. То есть, такие вполне средневековые или даже рабовладельческие темы. Кешка, который был удивительно для своих лет силен и ловок физически, но явно туп эмоционально и интеллектуально, казался Алексу идеальной глиной для создания подобного персонажа. Надо сразу сказать, что Алекс просчитался. Кешка с самого начала ни минуты не собирался становиться его преданным слугой. Более того, он не любил и не одобрял самого способа жизни тогдашнего питерского криминалитета. Как своими едва проснувшимися мозгами он сумел сделать какие-то выводы и обобщения – неизвестно. Но он их сделал, и, научившись под руководством Алекса всему, чему мог научиться (сама понимаешь, что набор полученных Кешкой навыков был весьма специфическим – различные единоборства, владение холодным и огнестрельным оружием и т.п.), Кешка от Алекса попросту сбежал. Понятно, что бандит не простил своей живой игрушке такого предательства.

– Ой, тетя Анджа, ну прямо как в настоящем сериале! – сказала Настя. Ее карандаш стремительно порхал над листком и совершенно непонятно было, как такое замедленное существо может так быстро и как будто бы бессознательно двигать кистью. – Хорошо, что я заранее знаю, что конец хороший. А то бы я сейчас за него так нервнича-ала-а...

– Параллельно выяснилась еще одна странная вещь. Престарелый мошенник, с которым Кешка одно время жил в одной квартире, заявил Алексу, что Кешка – просто одно лицо с известным ленинградским вором по кличке Большой Иван, который сгинул неизвестно куда лет пятнадцать назад, при довольно странных и так и невыясненных обстоятельствах. Среди воровской общины ходили тогда смутные слухи о каких-то таинственных сокровищах, которые Большой Иван то ли где-то украл, то ли как-то про них узнал, то ли от кого-то унаследовал. И якобы эти сокровища, которые, впрочем, никто и никогда не видел, в корне изменили жизнь Ивана. Он завязал с воровскими делами, крестился в церкви в православную веру, оборвал все контакты и в конце концов исчез в никому неизвестном направлении.

Вполне логично было предположить, что Кешка – сын Большого Ивана. По датам и срокам все вроде бы совпадало. В самом деле, произошло что-то с душой человека, и уехал он жить на побережье Белого моря. Где-то по дороге женился, родил двух детей, и жил себе поживал, пока не оборвала его жизнь трагическая случайность... Непонятки оставались с сокровищем. Поскольку Алекс не мог даже вообразить себе, что полудикий Кешка не одобряет сам его образ жизни, то объяснение побега получилось таким – во-первых, психологическое – «сколько волчонка не корми, а он все равно в лес смотрит», а во-вторых и в главных, вполне материальное – «волчонок» мог вспомнить какие-то рассказы отца о загадочном сокровище и его местоположении. Решил ни с кем не делиться и сбежал.

Для любителей сериалов скажу сразу: ни о каком сокровище Кешка и не помышлял. Сбежав от Алекса, он попал в довольно специфическую богемную коммуны, которая жила в расселенном, предназначенном то ли под снос, то ли под капремонт доме. Там с Кешкой много занимались всякие художники и прочие богемные люди, которые восприняли его как занятную игрушку – природный феномен, и научили его читать, писать и даже как-то приблизительно выражать свои мысли. Впрочем, ты, Настя, лучше меня знаешь, как может повлиять на человека художественная богема. Когда коммуна естественным образом закончила свое существование (дом кому-то продали), Кешка решил, что он уже достаточно «развился» для обычной человеческой жизни и пришел к нам в гости. Антонина, по-видимому, все-таки оставила ему свой адрес, а он хранил его все это довольно смутное время своей жизни.

К этому времени Кешка уже умел что-то о себе и своих приключениях рассказать. Хотя, конечно, многое звучало для нас попросту диковато. Разумеется, мы тут же, как умели, занялись его судьбой. С помощью известной тебе тети Лены, которая в то время работала инспектором по делам несовершеннолетних, нам удалось поселить Кешку во вполне приличный приют под патронатом каких-то немцев-лютеран-спонсоров, в который как раз и собирали вот таких брошенных и живущих на улице детей. Он прожил там две недели и сбежал, причем вежливо предупредил нас с Ленкой и Антониной, чтобы мы за него не волновались. Ленка тогда что-то про него поняла и за руку отвела в обычный детский дом, над которым шефствовало ее отделение милиции. В детском доме Кешка прожил почти полгода и был в большом авторитете у местных хулиганов (а надо тебе сказать, было за что – Кешка был невероятно для своего возраста силен и ловок, прекрасно видел в темноте, слышал неслышимые для человека звуки, мог по запаху идти по свежему следу и т.д. и т.п.). Я тогда сама работала в школе преподавателем истории, вела что-то вроде исторического кружка, и он с удовольствием ездил с нами на загородные выезды. Какое-то время казалось, что все как-нибудь наладится. А потом он попросту исчез.

– Тетя Анджа, а почему вы его к себе не взяли? – спросила Настя. – Ему бы с вами точно лучше было жить, чем в этих детдома-ах.

Антонина вздрогнула и оторвалась от созерцания заоконного пейзажа. Видно было, что ей очень хочется покрутить пальцем у виска. Останавливало ее только то, что Настя на нее категорически не смотрела. Все ее внимание было приковано к рассказчице.

– Может быть и так, – невозмутимо подтвердила Анджа. – Но ты знаешь, мне отчего-то не хотелось поселиться у себя и брать на себя ответственность за такого странного подростка. Не сказать даже, чтобы он мне очень нравился. Мне в его присутствии делалось как-то некомфортно, а моя мама, Антонинина бабушка (она тогда была еще жива) его попросту боялась и говорила, что он и покусать может.

– Тося, а ты? – Настя обернулась к приятельнице. – Ты его тоже боялась?

– Нет! – ответила Антонина и всем своим видом продемонстрировала, что более распространённого ответа от нее можно не ожидать.

– Я поняла, – сказала Настя. – Кешка исчез также, как и Большой Иван. Наверное, он соскучился по родине.

– Как выяснилось впоследствии, нет, – усмехнулась Анджа. – Некоторое время он провел в месте, не менее странном, чем все предыдущие места его пребывания. Это было что-то вроде школы, где готовили героев для боевиков...

– Там, где учат на актеров? – уточнила Настя. Она не воспринимала метафор. – Для телевидения?

– Нет, – вздохнула Анджа. – К сожалению, там учили как бы для жизни. Понимаешь, наш мир, к сожалению, устроен так, что в нем все время где-нибудь идет война...

– Я знаю и это ужасно, – серьезно сказала Настя. – Я не могу этого понять.

– Если бы тебе удалось, то все в мире, конечно, переменилось бы, – съязвила Антонина.

– Да, Тося, наверное, это оттого, что многие такие же необразованные, как и я, – согласилась Настя. Юмор и даже откровенный сарказм она тоже воспринимала далеко не всегда. – Но вы рассказывайте дальше, тетя Анджа.

– Дальше осталось рассказать совсем немного. И в основном – о сокровищах. Во-первых, выяснилось, что они действительно существовали. Мне и еще нескольким людям (к сожалению, среди них оказались и бандиты Алекса) удалось проследить их историю. Когда-то очень давно, много веков назад полоцкая княжна Ефросиния (ее потом канонизировали, то есть причислили к святым) велела изготовить для местной церкви удивительной красоты и святости (так полагали верующие люди) крест. Впоследствии у этого креста была отдельная, сложная и полная приключений история. Накануне войны с фашистской Германией этот крест и множество других сокровищ оказались в специальной комнате в обкоме коммунистической партии в городе Могилеве. В то время как раз обсуждался вопрос о переносе в Могилев столицы Белоруссии. Фашисты захватили Могилев буквально в первые дни войны. Большинство защитников Могилева погибли. Сокровища из «могилевского клада» исчезли. Сначала историки полагали, что их не успели вывезти из осажденного города и они достались немцам. Но и потом, после войны, когда просмотрели все документы специальной фашистской команды, которая занималась украденными у разных народов ценностями, их след не удалось отыскать. Ни одна вещь из «могилевского клада» никогда не всплывала на международных аукционах. Тогда стали искать внутри страны. Постепенно удалось выяснить, что сокровища все-таки вывезли из Могилева на грузовике и отправили в направлении столиц – то ли в Эрмитаж в Ленинграде, то ли в Москву – в Кремль. Ни туда, ни туда ценности как будто бы не прибыли. Если учитывать, что творилось в стране в первые месяцы войны с Германией – ничего в этом удивительного нет. Грузовик могли разбомбить при какой-нибудь переправе, сопровождающие люди могли погибнуть от обстрела, быть убитыми немцами или местным криминальным элементом и так далее и тому подобное. Однако, произошло нечто другое. Человек, сопровождавший ценный груз, привез его в Ленинград. Обнаружив северную столицу накануне блокады и с очень проблематичными перспективами в дальнейшем, он сначала растерялся. Потом решил и спрятал сокровища на Лиговке, в квартире своей бывшей любовницы. Пообещал, что вернется за ними после окончания войны, и уехал. Тогда же он велел ей отдать сокровища любому человеку, который предъявит некие, вполне определенные доказательства своих прав на него. Дальней-

шая судьба этого человека неизвестна. По-видимому, он погиб где-то на полях второй мировой войны. Звали его Лев Шеин и он был отцом Большого Ивана и, соответственно, дедушкой Кешки.

– А почему же его любовница не забрала эти сокровища себе? – спросила Настя.

– Ценности такого рода и объема смертельно опасны для того, кто пытается ими воспользоваться в своих интересах. И бывшая подруга Льва Шеина, которая была весьма умна, прекрасно знала об этом. Если бы ты, Настя, читала Киплинга...

– Я помню! – воскликнула Настя. – Я смотрела мультфильм про Маугли. История про кобру и сокровище, которое она сторожила. Там они все убивали друг друга...

– Точно! – удовлетворенно сказала Анджа. – Сокровища такого рода безопасны либо для очень умных, либо для людей, которые просто не понимают их ценности. Именно таким был Маугли. И Кешка... Через много лет после войны на Лиговку явился Большой Иван, предъявил любовнице Льва какие-то неопровержимые доказательства своих прав (кажется, это была татуировка в виде креста Ефросинии Полоцкой) и забрал основную часть сокровищ по праву наследования. Сам он к тому времени был известным вором, а о своем наследстве узнал от дяди, Ильи Шеина, родного брата Льва.

После обретения «могилевского клада» в душе Большого Ивана и произошел уже упоминавшийся переворот. Он как-то пересмотрел свою жизнь и в результате в корне изменил ее. Трудно сказать, почему, крестившись, он не передал сокровища, по крайней мере крест, православной церкви. Может быть, оттого, что ему было хорошо известно о сотрудничестве многих, если не большинства действующих священников с тогдашним КГБ... Не знаю...

– Так и где же эти сокровища теперь?! – даже флегматичная Настя не выдержала промедления.

– Не зна-аю, – протянула Анджа и улыбнулась. – Может быть, Кешка как раз и вспомнил что-нибудь по этому поводу... После того, как мы нашли Кешку, стало понятно, что за ним ведут охоту бандиты, да еще и, кажется, представители церкви, которые тоже о чем-то когда-то пронюхали. От греха подальше отец Антонины, Олег, который тогда как раз приезжал в Россию, увез мальчишку с собой за границу. Здесь его, скорее всего, просто убили бы. Ведь он тогда действительно не помнил или, скорее не знал ничего о местонахождении клада. Большой Иван не собирался умирать в тот день, когда перевернулась лодка. Возможно, он полагал, что у него еще много лет впереди, чтобы передать сыну свою тайну... Настя, покажи-ка мне свой рисунок... Поразительно! Скажи, ты когда-нибудь видела... его?

– Кого – его? Вот это?... Наверное, нет, если только его на открытках не рисовали...

На листке быстрой и точной Настинной рукой был нарисован достаточно аскетический орнамент из сосновых и еловых веток, обрамлявший большой деревянный крест, с множеством вкрапленных в него драгоценных камней, не подвергавшихся огранке.

Антонина, привстав, тоже недоверчиво рассматривала рисунок.

– Откуда Настька могла знать? – требовательно обратилась она к матери.

Анджа лишь молча пожала плечами.

Глава 3

– Скажите честно, Владимир, вы любите русский народ?

– Простите, как? Весь народ сразу?... Я боюсь, что мне будет крайне трудно ответить на ваш вопрос...

Оба собеседника сидели в креслах в просторном холле гостиницы. На вид они были приблизительно одного возраста, может быть, спрашивающий постарше года на два-три. Позы же их различались весьма существенно. Старший свободно развалился в кресле, раскинув руки по подлокотникам и положив одну ногу в тяжелом кожаном ботинке на колено другой. Тот, кого назвали Владимиром, напротив, сидел на самом краешке кресла, выпрямив спину, сдвинув ноги и сложив руки на коленях. Одна кисть при этом прикрывала другую. То есть, если судить по популярным психологическим книжкам, в изобилии раскинутым на прилавке находящегося неподалеку книжного ларька, то старший являл собой максимальную степень открытости и раскрепощенности, а младший, наоборот, находился в состоянии полной закрытости и несвободы.

– Ладно, давай спрошу по-другому: чьи интересы для тебя важнее – русского народа или какого-нибудь другого, ну, например, казахского или еврейского?

Владимир честно задумался, и одновременно медленно и необидно разглядывал своего визави. Так дети смотрят на экспонаты не интересного для них музея. Визави ждал, нетерпеливо постукивая пальцами по подлокотнику кресла. На его открытом горле взад вперед ходил выступающий кадык. Черная рубашка промокла под мышками.

– Наверное, вы имеете в виду Курильские острова? – наконец спросил Владимир. – Надо ли отдавать их японцам? Простите, но я плохо знаком с историей вопроса...

– Да причем тут японцы! – воскликнул старший, не в силах справиться со своим раздражением. Видно было, что ему очень хочется коротко и емко охарактеризовать и ситуацию в целом, и человека, с которым ему приходится беседовать. Но почему-то он не может себе этого позволить. – Я же тебе совершенно о другом толкую. Вот ты знаешь, на кого вы, ну, я имею в виду ваша группа, похожи?

– Да, знаю, – с облегчением кивнул Владимир, радуясь тому, что хотя бы на один вопрос собеседника может ответить положительно. – Те, кто постарше нас, много раз говорили, что ни на одну из теперешних групп мы не похожи, зато очень похожи на ансамбль революционеров из Чили, которые ездили по миру и пели свои песни. Удивительно, что вы, Антон, тоже их помните.

– Да не помню я никаких чилийских революционеров! – огрызнулся Антон. – Че Гевару знаю – и все. А вы похожи на певца русской свободы – Игоря Талькова. С тех пор как его подло убили враги русского народа...

– Простите, но вы уверены? – осторожно перебил собеседника Владимир.

– В чем это?

– Может быть, Талькова убили именно враги Талькова?

– Ты что, издеваешься, что ли? – подозрительно спросил Антон, вглядываясь в безмятежное лицо Владимира, в котором, несмотря на чистую кожу и относительную правильность черт, как будто бы чего-то не хватало.

– Разумеется, нет. Прошу простить, если вам так показалось. Просто, я заметил, обычно именно так и бывает – всякие личные неприятности следуют человеку от его собственных врагов. И... я, разумеется, слышал песни Игоря Талькова в записи. Мне кажется, что мы играем и поем совершенно в другой манере, и в другой тональности...

– Да нет! Ты опять не понял! – загорячился Антон.

Его миссия явно проваливалась, вязла в зыбучем песке тусклых мозгов этого тупого... Ну он же, этот Владимир, явный дегенерат, это же очевидно! Впрочем, его об этом заранее предупреждали, да чего и ждать, если человек вырос в интернате для умственно отсталых...

– Ты смотри в суть! – Антон ткнул пальцем в выложенный разноцветной керамической плиткой пол, потом передумал и тем же пальцем указал куда-то наверх, где расположились скрытые от прямого взгляда светильники. – Вы же все вылезли из самой грязи, что-почем на своей шкуре знаете, а кто вас туда спихнул? Кто виноват в том, что всякие сволочи абрамовичи жируют, а русских детдомовских детей продают на запчасти буржуйам, а?

Владимир промолчал и растерянно оглянулся на большую монстеру за своей спиной, как будто бы надеялся прочесть ответ на ее резных кожистых листьях.

– Да ты посмотри вообще, что делается! – продолжал Антон. – Русский народ в своей же стране оказывается шестой номер. Торговля, наука, искусство то же – все нерусские заполнили. И сказать об этом – не моги. Если там кого-то другого гнобят, то пожалуйста – вот тебе трибуна, говори что хочешь. А если за русских вступишься, что тебе скажут? Националист проклятый, в тюрьму тебя! Ты думаешь, я против евреев, да? Так я тогда тебе вот что скажу: евреи – молодцы! Они у себя там, в Израиле, всех поименно переписали, кого и как гои замучили, и на этом своих детишек смолоду воспитывают. Вот и нам так же надо! Чтоб ни одной слезинки русского ребенка зря не пропало, как Достоевский говорил. Тогда никому не обидно будет! Вот – правое дело, вот идея, за которую жизнь отдать не жалко! А ты говоришь: какие-то там чилийские революционеры. Да хоть бы и на эстраду взгляни: ни одного нормального человека нет – все либо старые перечники и переченицы, из которых прямо на сцене песок сыплется, либо – педерасты с лесбиянками. И деньги, деньги, деньги... А где духовность? Где святая русская Православная церковь? А из вас, если вас немножко отшлифовать, конечно, отличный рупор русского движения получился бы. Ты «Боже, царя храни» спеть можешь?

– Могу, наверное, – неуверенно согласился Владимир. – Я в фильме «Корона российской империи» слышал, там пели. Смешной фильм... А зачем это надо?

– Господи, о чем он говорит! – картинно воздев к потолку обе руки, воскликнул Антон. – Ты просто представь, как вы будете потрясающе смотреться! Ты – руководитель ансамбля, настоящий славянин, высокий, русоволосый. Тебе, между прочим, очень пойдет черная рубашка, и такие стильные, высокие ботинки на шнуровке. И всем твоим тоже... Один у вас только подкачал, тот, который чернявенький, в кучеряшках. Он, часом, не еврей?

– Женья? – уточнил Владимир. – Не знаю, не могу сказать. Когда ему было два с половиной года, его подбросили к комнате милиции на вокзале. Никто не знает, кто это сделал. Может, конечно, евреи...

– Нет, – вздохнул Антон. – Евреи своих детей на вокзалах не подбрасывают. Это уж скорее цыгане... Тоже, конечно, ничего хорошего...

– Увы! – вздохнул Владимир. – Мы потом узнавали. Цыгане тоже не очень-то отказываются от своих детей. Поэтому Женья всю жизнь думает, что то, что его забыли на вокзале – трагическая случайность, и надеется, что его родители найдутся. И вы знаете... – Владимир доверительно подался к собеседнику. – Мне кажется, что он совершенно не против евреев, цыган и даже канадских лесорубов, если вдруг окажется, что на вокзале его потеряли именно они.

Канадские лесорубы должны были бы насторожить Антона, но инерция предыдущего разговора оказалась сильнее и он передернул плечами.

– Ерунда какая-то! Кто теперь, через двадцать лет, найдется!

– Надеюсь, ваши родители, Антон, живы и здоровы? – вежливо спросил Владимир, и что-то в его тоне вдруг промелькнуло такое, отчего по спине русского националиста внезапно пробежал холодок.

– Да, – рассеянно подтвердил он. – Живы, здоровы. Правда, живут давно врозь. Да я с ними и не общаюсь почти... К чему это я? Да. Так что, вы согласны?

– Вы имеете в виду, согласны ли мы стать рупором русского народа? – уточнил Владимир. – А что, собственно, для этого нужно будет от нас? Я имею в виду, кроме приобретения черных рубашек и высоких ботинок?

И опять Антону на мгновение показалось, что этот чертов детдомовский дегенерат над ним издевается. Он помотал головой.

– Ну, это мы с тобой потом поконкретнее перетрем. Так, разом, все и не расскажешь, конечно. Я же пока предварительно...

– Я понял вас, – кивнул Владимир. – Разумеется, вы понимаете, что прежде, чем дать вам какой-то ответ, я должен буду посоветоваться с нашим продюсером и остальными членами группы.

– А кто это у вас продюсер? – подозрительно спросил Антон. – И откуда он взялся? У вас же вроде никого не было...

– Наш продюсер со времени основания ансамбля – Клавдия Петровна Прокопенко.

– Это та толстая тетка в кофте, которая тебе платочек на шею поправляла, что ли? – усмехнулся Антон. – И теперь вон там под пальмой журнал «Лиза» читает?

Владимир сухо кивнул. Антон посмотрел на него внимательно, что-то понял, сменил тон и произнес доброжелательно и серьезно.

– Вот что я тебе напоследок скажу, друг Владимир. Ты не думай, что я ничего не понимаю. Вы все без родителей росли, и эта тетка, я так вижу, вас считай что усыновила и в люди вывела. Вы ее в обиду никогда не дадите, какая б она не была – и это правильно. По-мужицки, по-человечески и еще как угодно. И пусть она при вас остается мамкой на всех, организатором быта на гастролях и прочее. Но только, договоримся мы с тобой или нет, но если вы хотите пробиться, то у нормальной группы сегодня должен быть нормальный, современный продюсер, и бухгалтер, и хореограф, и преподаватель вокала и прочее всякое, в чем я и сам не очень-то хорошо разбираюсь. И ты обо всем этом подумай. А если ты решишь, что вы – с нами, то знай, что тебе обо всем этом заботиться будет не надо, потому что партия всегда найдет для вас нужных людей, которые сумеют обеспечить достаточный уровень и все такое. Благо России все-таки еще не всем по барабану, ты это понимаешь, надеюсь?

– Конечно, понимаю, – так же серьезно ответил Владимир. – Вот вы же тут сидите, со мной разговариваете, и о ней заботитесь.

– О ком – о ней? – не понял Антон.

– О России, конечно, – удивился в свою очередь Владимир. – О ком же еще?

У девушки была странно, как будто бы ножницами перед зеркалом обрезанная челка. Черные свободные джинсы и светло-сиреневый свободный джемпер, в рукава которого она то и дело втягивала кисти, словно все время мерзла или чего-то боялась. Где-то внутри всего этого пряталась как будто бы неплохая по современным меркам фигура, из тех, которые в некоторых кругах принято пренебрежительно называть «вешалками». При наличии доброжелательности можно было бы вспомнить и о моделях – девушка была достаточно высокой, худой и длинноногой. Единственное, что у нее явно подкачало, так это размер груди, едва ли превышающий скромную единичку. В ушах девушки виднелись крошечные сережки-гвоздики – позолоченное серебро с каким-то прозрачным недорогим камешком. Светлые глаза казались невыразительными, возможно, их имело бы смысл подвести контурным карандашом или хотя бы обозначить и удлинить тушью ресницы.

Сидящая напротив девушки дама выглядела значительно «богаче» во всех смыслах. Все, что можно было подчеркнуть в ее зрелой красоте и многолетней ухоженности, было подчеркнуто, все, что следовало замаскировать и затенить – затенено и замаскировано. Косметические швы от недавней пластической операции были аккуратно прикрыты двумя изящными завитками идеально зафиксированной прически.

На девушку дама смотрела с любопытством и одновременно с легкой брезгливостью. Видно было, что ей хочется обратиться к ней «послушайте, милочка», но она не решается позволить себе быть настолько вульгарной.

Девушку звали Ольгой и ей недавно исполнилось девятнадцать лет.

Даму звали Мария Алексеевна Огудалова и ее действительный возраст нигде не афишировался. Она была талантливой и достаточно известной эстрадной певицей со своим репертуаром и своим кругом почитателей. Но в последнее время ей неоднократно намекали, что, если она хочет и далее удерживаться «в обойме», прыгать на сцене в умеренно короткой юбке уже недостаточно. По образу и подобию других «звезд» ей следует запустить какой-нибудь авторский проект, желательнее с привлечением молодых исполнителей, в идеале – не слишком бездарных. Теоретически она была не против. Практическая проблема заключалась в том, что около эстрадная молодежь обоего пола Марию Огудалову совершенно не возбуждала и не привлекала. Все они казались ей недалекими, самонадеянными дилетантами. Какой была она сама в их возрасте – Мария Огудалова категорически позабыла.

– Скажите, Ольга, вы видели мой последний клип? – спросила Огудалова. Она хотела выбрать какую-нибудь подходящую тему для начала разговора. В конце концов, самой подходящей темой оказалась, естественно, она сама и ее творчество.

«Если я сразу начну хвалить их группу, – объяснила себе Мария Алексеевна. – То она либо зазнается (и тогда с ней будет сложнее договориться), либо, если она умнее, чем кажется, догадается, что я сама не верю тому, что говорю, и просто им льщу.»

– Да, – ответила девушка, глядя на носки своих кроссовок. – Я видела. Он сделан... очень... на очень высоком профессиональном уровне.

«Эт-то что такое?! – слегка опешила Огудалова. – Комплимент или оскорбление? Или она просто по-другому разговаривать не умеет? Все-таки надо же помнить, что мне про них говорили... – успокоила она себя. – Что-то здесь, конечно, для имиджа придумано, для скандала, но что-то ведь и правда, должно быть...»

– А скажите, милочка, – не удержалась-таки Мария Алексеевна. – Вы лично действительно воспитывались в детском доме?

– Да, – девушка кивнула светловолосой головой и челка прикрыла выражение ее глаз. – Только он назывался «интернат».

– Сочувствую, искренне сочувствую, – на мгновение Огудалова действительно ощутила внутри себя некоторое размягчение и умилилась собственной (оказывается, сохранившейся!) сентиментальности. После стольких лет в дебрях дикого постсоветского шоу-бизнеса... – Кстати, вот о чем я хотела с вами поговорить. Как вы, Ольга, видите перспективы своего развития, как певицы?

– Да, – сказала Ольга и добавила полностью в разрез с предыдущим. – Никак не вижу. Мне это не надо. У нас перспективами занимается Владимир и Клавдия Петровна.

– Отчего же так? – искренне возмутилась Огудалова. В свое время ей пришлось долго доказывать бывшему мужу, музыканту и продюсеру, что у нее тоже есть мозги и собственное видение эстрадной карьеры. – Обычная песня! Но как вы, Оля, это позволяете? Ведь вы же должны понимать, что вся ваша лавочка держится на вас и вашем милом голоске (у Ольги был мощный, грудной голос очень широкого диапазона, и Марии Алексеевне это было прекрасно известно, но все-таки она не смогла удержаться от уменьшительного суффикса). Без вас они ничто, и практика и история эстрады сто раз это подтверждала. Где сейчас муж Эдиты Пьехи – Броневицкий? Где мой собственный муж? Кто о них помнит? Да возьмите примеры и поновее! В любом ансамбле главное – певица, а вовсе не музыканты и не подпевка...

– Да, – сказала Ольга. – Но наши мужчины тоже поют соло. Все. Кроме Егора, который стесняется. Мы надеемся, потом...

Мария Алексеевна почувствовала какое-то неудобство и лишь пару мгновений спустя осознала его происхождение. Ольга назвала своих согруппников-недоносков – мужчинами. Вот уж слово, не принятое на эстраде! Где-то даже неприличное, вульгарное. «Мужчина, вас тут не стояло!» За кулисами и на пятом десятке все называют друг друга «мальчики», «девочки», «пацаны», «ребята»... Если кто хочет выпендриться, говорит «коллеги по цеху». И сколько лет тем Ольгиным «мужчинам»? – Смех один! Нет, девчонка явно не в себе, как ее и предупреждали. И это «да» в начале каждой фразы. Наверное, ее какой-нибудь пробежавший мимо имиджмейкер-психолог научил: сначала соглашайтесь, милочка, со всем, так, дескать, будете производить хорошее впечатление, и разговор пойдет легче. Она и слушается. А что одно с другим согласовывать надо, этого понять не в состоянии...

– Поверьте моей долгой-долгой жизненной практике, Оля, – Мария Алексеевна постаралась придать своему красивому голосу максимальную задушевность. – Вам надо самой думать о себе и не ждать, когда о вас будут думать мужчины. Они ничем не хуже, но и не лучше нас, женщин. Тоже думают только о себе. О своей популярности, чаще – о своих деньгах, машинах, жизненных удобствах. Им удобно иметь карманную женщину-певицу, раскрученную и приносящую доход на блюдечке с голубой каемочке. А их обычный довод: «Ты мне всем обязана! Где бы ты была без меня?» Ваша главная задача, Оля, – не попасться на эту удочку. И я готова вам в этом помочь. Я уверена, – оценив навскидку «деревянность» своей визави как «очень высокую», Мария Алексеевна решила играть жестко. – Что вы уже получали или еще получите другие сходные предложения. Мое главное для вас преимущество перед другими: я – женщина, и потому не слишком склонна к рабовладению. Да, я знаю, на этом поприще подвизаются и другие... гм-м... артистки, но они, видите ли, любят молоденьких мальчиков и, наоборот, очень ревниво относятся к женщинам-певицам. Как бы не затмили их собственной славы. Я же к мальчикам равнодушна. Меня всегда, даже в молодости, привлекали мужчины зрелого возраста, с сединой на висках и жизненным опытом в чемоданчике. Мне интересны именно вы, Ольга, – здесь Мария Алексеевна решила все-таки перейти к комплиентам. – У вас очень хорошие голосовые данные и очень интересный, уже сформированный имидж. Руфина, с ее образом никак не вырастающего, малосимпатичного трудного подростка, всем уже надоела. Ты, кстати, не под нее челку обстригла? Зря! Твой сценический имидж гораздо круче, как теперь принято говорить. Эти простые платья и туфли-лодочки – великолепно. Сразу отсылает к Эдит Пиаф и Мирей Матье. У них ведь тоже было трудное детство. Эдит пела на улицах, а Мирей была старшей из семнадцати детей в семье. Разумеется, мы не будем все сразу менять. Но ты у нас будешь развиваться – вот в чем соль. Меня не интересуют проекты-однодневки, где все построено на одной-единственной песне, клипе или строчке в контракте. Ты понимаешь меня? На развитие сценического имиджа способны только действительно большие артисты. И этим театр в корне отличается от эстрады. Великий артист полностью проживает на сцене всю свою жизнь, от мальчишки-слуги «кушать-подано» до глубокого старца в «Короле Лире». Его роли меняются вместе с ним, с естественным течением времени, понимаешь? Вечность и мгновение... А на эстраде? О, эстраде подавай только молодых, она не прощает человеку его возраста! Взгляни на Валерия Леонтьева: ведь талантливейший же человек, многогранный, умница. И вот уже тридцать лет без перерыва скачет по сцене, как молоденький козлик, весь в поту и в этих дурацких блестках... И ведь никуда не деться! Либо продолжай скакать, либо уходи...

Мария Алексеевна вдруг спохватилась, сконцентрировала взгляд и увидела, что Ольга откинула назад послушную челку (она легла надо лбом мягкой волной), смотрит на нее и слушает с вниманием и подлинной, как будто, заинтересованностью.

– Ну, что скажешь? – отчужденно спросила Огудалова. Ей было почти стыдно. Неловкость еще усиливалась тем, что она не могла понять причины своей недавней откровенности. За кулисами она много лет слыла человеком сдержанным и не склонным к экзальтации.

– Да, – ожидаемо ответила Ольга. – Вы хотели в театре играть? Я видела. Это красиво, только жутко очень. Когда занавес поднимается, а там... все другое, другой мир. Как будто бы подглядываешь туда, куда вообще-то нельзя. Мне нравится, когда сначала кто-нибудь выходит и говорит, что – можно.

«Ну и ничего ж себе!» – мысленно воскликнула Мария Алексеевна Огудалова, несостоявшаяся театральная актриса, когда-то, по настоянию первого мужа, ушедшая с театральной сцены на эстраду за славой и большими деньгами. А вслух сказала:

– В средневековых постановках перед представлением, еще до поднятия занавеса, к зрителям всегда выходил один из артистов. Он кратко рассказывал содержание первого акта, благодарил зрителей за то, что они собрались, и приглашал их войти в то самое пространство, о котором ты говорила.

– Да, – сказала Ольга. – Это хорошо. Спасибо, что вы рассказали. Я запомню.

* * *

– Ну что? – спросил Огудалову человек лет тридцати пяти, поджидавший ее в машине. Несмотря на теплый, по настоящему весенний день, он был в длинном кожаном плаще на теплой подкладке. Губы у человека казались слегка подкрашенными, да и глаза, кажется, тоже... – Совсем дикая? Как и говорили?

– Коля, она замечательная! – темпераментно воскликнула Мария Алексеевна. – У нее, кажется, всего одна извилина, да и та почти выпрямлена этим их интернатом, но я ее хочу! – человек удивленно приподнял бровь. – Я хочу с ней работать, ты понял, извращенец несчастный! Лучше с ней отдельно, но можно и с этими ее... коллегами по несчастью. И я не потерплю, чтобы она досталась кому-нибудь другому. Мне все равно, слышишь? Мне все равно, как ты это сделаешь!

* * *

Теплый, нагретый электричеством и дыханием полумрак не разгоняли, а, наоборот, подчеркивали несколько разноцветных лучей,двигающихся по большой комнате в самых произвольных направлениях. В лучах плясали мириады разноцветных пылинок. Сводчатый потолок терялся где-то в вышине. Посередине всего помещения на высоте метров двух с половиной шла толстая загадочная труба, к которой было привязано несколько воздушных шариков разной степени сдутости. Иногда с нее срывались крупные капли и выразительно, блеснув в свете лучей, падали вниз. В углу, сидя на ящике огромных звуковых колонок, кто-то, отвернувшись, настраивал какой-то щипковый инструмент.

– Владимир, ну почему ты не хочешь, чтобы красный? – крикнули откуда-то сверху из темноты. Казалось, что говорящий сидит верхом на трубе. – Посмотри, как эффектно! Женя, скажи ему!

– Игорь, ну ты же знаешь, что я не могу объяснить, – спокойно ответили снизу. – Просто чувствую, что красный – не надо.

– Он очень возбуждающий, – поддержал Владимира кто-то еще. – Нам так врач в детской психушке объяснял, когда мы на арттерапию ходили.

– Арттерапия – это рисовать, что ли? – спросили сверху.

– Ну да, только я больше на расческах играл. Знаете, если с «беломора» папиросную бумагу снять и склеить... Очень здорово, по-моему, получалось. Я даже Шостаковича мог. Врач не возражал, а вот остальные все побить пытались. И расческу отбирали...

– А давайте сделаем для Егора соло на расческе? – обернувшись, предложил тот, кто настраивал инструмент. – Представь, Владимир. Он выходит, стоит. Потом достает расческу, расчесывается ей. Кланяется залу, а потом играет Шостаковича.

– Точно, а на заднем плане будет как бы такое красное солнце, – воодушевленно откликнулись с трубы. – Это как бы восход. Или, лучше, закат. А Егор на его фоне будет как черный силуэт. Только ему надо будет в профиль повернуться... Хорошо бы сделать так, чтобы расческа просвечивала...

– А расчесываться зачем? – спросил Владимир.

– Как зачем?! ... Хотя, да... Вроде бы и незачем... Это я не подумал... – обескуражено согласился автор идеи.

Посередине комнаты-подвала-студии стоял единственный стул, по виду – венский. На нем нервически сидел немолодой человек в аккуратных усиках, кашне и ботинках с поразительно длинными и узкими носами. Поколебавшись, он деликатно, но внушительно похлопал в ладоши.

– Господа! – призвал он. – Может быть, мы вернемся к нашему разговору?

– Да, конечно, простите, пожалуйста, – тут же откликнулся Владимир. – Игорь, займись своим делом. Женя, Егор, Дмитрий... Мы слушаем вас...

– Я говорил о том, что главное для творческого человека – это сохранить свою свободу. Вы со мной согласны?

– Возможно, – уклончиво сказал Владимир. – А от чего свободу?

– От всего, – усики насекомо пошевелились. – Я имею в виду в первую очередь свободу самовыражения.

– Да нас как-то никто пока не угнетал, – пробормотал невысокий чернявый юноша. – Мы уж как-нибудь, наверное, заметили бы...

Владимир бросил в сторону чернявого укоризненный взгляд и тот, усмехнувшись, прикрыл рот узкой ладонью.

– Вы еще новички, неопиты и не все знаете, – усмехнулись в ответ Усики. – Мир эстрады – это непрерывное состязание амбиций. Вы знаете, например, что ВСЕ артисты прочитывают ВСЁ, что о них пишут? У самых известных даже выделен для этого отдельный человек...

– Зачем? – удивился даже Владимир. – Ведь пишут-то чаще всего ерунду!

– Совершенно верно, – человек со стула выразительно поднял длинный указательный палец. – Но по валовой массе этой ерунды эстрадные дивы и мены судят о своей популярности, об ее взлете или падении. Никто из них не заинтересован в том, чтобы о них писали правду...

– Почему?

– Потому что правда всегда скучна и никому неинтересна.

– Так пусть тогда ничего не пишут. Пусть просто песни слушают, – предложил бывший исполнитель Шостаковича на расческах.

– Господи, молодой человек, как вы наивны! – с досадой воскликнули Усики. – Даже не знаешь, как с вами и разговаривать! Вы что же думаете, что свои колоссальные, в миллионы долларов гонорары эстрадные, киношные и прочие голливудские звезды получают – за что? – неужели за свои актерские, певческие и прочие танцевальные таланты?!

– А за что же еще?

– Да при современных технических средствах звездный дуэт можно сделать из мартышки и аллигатора! И даже не слишком дорого встанет. Вы чего, правда не понимаете, что ли?

– Не понимаем, – за всех ответил Владимир. – Если вас это не очень затруднит, объясните, пожалуйста.

– Пожалуйста! – фыркнули Усики. – За те самые тысячи у нас и миллионы у них они продаются – все, целиком, с потрохами. Биография и предки, родные и близкие, друзья, любовь, секс и свадьбы, ссоры, разлуки и разводы, дети, престарелые родители, любимые болонки,

любимые развлечения, пороки и пристрастия, хобби и болезни. Короче – всё. В прежние, до шоу-бизнесные времена, это называлось «продать душу» и всегда оплачивалось довольно хорошо. Причем, заметьте, и тогда, когда во все это была примешана, кроме денег, еще и всякая мистика, – регулярно, если верить литературе, находились желающие. Ну, а теперь от желающих просто отбою нет. Красивую звездную жизнь все видели по телевизору, так что... Извольте! Все на потребу публике, все на потребу журнальчикам, замасленным от жадных и потных пальчиков своих читателей... Почему, вы думаете, все эти журнальчики делают глянцевыми, то есть – водоотталкивающими? И ведь, поверьте, читатели журнальчиков прекрасно разбираются в сути: пусть они сами не живут так, как эти великолепные, длинноногие небожители, но зато именно они, читатели-налогоплательщики, купили этих самых звезд с их звездными потрохами, и их слезы, и их аборт, и их любознательно наблюдаемое толпой старение, – все заранее заплачено, все станет им известно с любым количеством подробностей, как только они того захотят. Без зрителей и слушателей, без читателей скандальных журнальчиков, без папарацци и фанатов их просто не существует в природе. Они – ноль, дым, фикция. Они как античные и индийские боги, которые просто умирают, когда им перестают курить фимиам... Но, увы! – людям нужны не только и не столько их таланты, сколько их болячки, которые, будучи умножены на миллионные тиражи журнальчиков, тиражируются на всех и примиряют толпу с ее собственным, отнюдь не звездным, но зато приватным и уютным существованием... Вот только не надо никого жалеть – потому что насильно никто никого не покупает, и кроме десятков пробившихся наверх, всегда есть сотни и тысячи тех, кто неустанно мечтает, спит и видит, молится о том, чтобы именно к нему пришли и сторговали его «душу».

Никакой певческий или там актерский талант не стоит *таких* гонораров. Если не верите мне, то сами узнайте о зарплате артистов театра, или прочтите в каких-нибудь недавно вышедших мемуарах о том, сколько платили популярным артистам кино и эстрады в советское время, когда никто, ничего и нигде не писал об их личной жизни, а редчайшие интервью с ними напоминали передовицы в советских же газетах.

– Это поистине удивительно, то, что вы сейчас говорите! – сказал Владимир после довольно продолжительного молчания. – Боюсь, что мне придется долго думать над вашими словами...

– Тогда, если так, мы вообще не будем продаваться! – решительно заявил чернявый Женя.

– Во! – воскликнули Усики, и дальше обращались только к чернявому, обрадовавшись уже тому, что хоть кто-то в этой странной компании соображает с приблизительно нормальной скоростью. – Я же именно об этом вам уже битый час и толкую. Смотрите, все просто как дважды два. Я от вас ничего не скрываю и, значит, мне ни к чему вас обманывать. Предупрежден, значит вооружен – есть такая старая русская пословица. Предупреждены и вооружены – это вы, – поспешно добавили Усики, сделав внутреннюю поправку на умственное развитие своих собеседников и тот неоспоримый факт, что любая пословица является, по сути, метафорой. – Вы можете и хотите петь и играть – так? И, естественно, хотите получать за это деньги. Достаточно денег, чтобы можно было жить, покупать нужные вам вещи, аппаратуру, снимать клипы, записывать диски и все такое. Может быть, вы хотите повидать мир или поехать в зарубежные гастроли, потому что обычно на вашем месте все этого хотят. Может быть, вы хотите купить наряды и украшения для ваших девушек и вашей солистки. Наверняка, вы хотите иметь какое-нибудь более приличное жилье, чем те три комнаты в коммуналке, которые выделило вам на всех наше родное государство. Для вашего нежного возраста и прочих привходящих вы неплохо разбираетесь в том, как петь и как нравиться публике. В остальном же вы, простите, не разбираетесь ни шиша. Сейчас я говорю даже не об организации гастролей или правильной рекламе. Я говорю о том, что вы ни шиша не разбираетесь в том, что, как и почему продается. И потому – вас, талантливых птенчиков, которым каким-то чудом удалось пробиться своими

силами (а точнее, опираясь на свойственную нашему народу сентиментальную любовь к сирым и убогим), вот-вот купят со всеми потрохами, а вы даже и не поймете, что с вами случилось, и потом годами не сможете даже мизинцем пошевелить без одобрения больших и (уж поверьте!) вовсе не сентиментальных дядь и тетя. Я же предлагаю вам честную сделку.

– Какую? – спросил внимательно слушавший монолог Усиков Женя.

Егор, снова отвернувшись, продолжал настраивать инструмент, а по-прежнему невидимый осветитель Игорь, вероятно в знак протеста, сделал все бегающие лучи красными, отчего внутренность помещения стала похожей на преисподнюю накануне совершения недавно описанной Усиками сделки. Иногда Игорь проводил лучом вдоль трубы и тогда она миражом возникала прямо в воздухе, похожая на влажную, кровотокающую царяпину.

– Очень простую, Женечка, очень простую. Вы продаете мне свою легенду, существующую на сегодняшний день. Все это – несчастное детство, брошенные дети, интернат для умственно-отсталых, гуру-шизофреник, концерты на молкомбинате и макаронной фабрике и детдомовцы, объедающиеся потом макаронами с сыром, огромное количество слюнявой жалости, вываленное на ваши стриженные головы нашими добрыми гражданами, которые просто горячими слезами заливаются, когда видят, что кому-то еще хуже, чем им, а если кому-то вдруг лучше, то тут же готовы и глотку перегрызть... В общем, весь набор в одном флаконе. Я сначала даю вам деньги, так сказать, аванс, а уже потом беру эту историю и делаю из нее по всем правилам конфетку, которую и представляю вам на окончательную подпись и одобрение. Если вам там что-то конкретное покажется оскорбительным или еще каким, вы это сможете поправить или вовсе убрать. А после того, как вы эту конфетку одобрили, вам вообще ничего делать будет не надо, кроме того, что вы и так умеете – петь и музыку играть. Обо всем остальном я и мои люди позаботимся. И, заметьте, никаких больше продаж и покупок. Вы вольны делать все, что вам заблагорассудится, вольные, как птицы в полете. Наоборот, это мы будем к вам приспособливаться...

– Зачем это вам? – спросил Владимир. – Вы говорили, что не хотите лукавить. Будьте так любезны. Приспособливаться к нам, когда звездный дуэт можно сделать из обезьяны и крокодила. Зачем? Простите, но мы что – так дорого стоим?

– Вы стоите столько же, сколько любые на вашем месте, – Усики подобрались, но почти не задержались с ответом. – Для вашей группы уже состоялся нулевой цикл раскрутки, у вас просто уникальные для сегодняшней эстрады (и при этом подлинные!) биографии. Все это – сэкономленные деньги, которые пришлось бы вкладывать в мартышек и аллигаторов. Естественно, что я предпочитаю беседу с вами походу в зоопарк или экспедиции в джунгли.

– Благодарю вас... за интересную беседу! – поклонился Владимир. – Мы обязательно подумаем над вашим предложением.

«А может быть, они все-таки понимают метафоры? – засомневались Усики, уже садясь в машину и оглядываясь на тяжелую дверь, ведущую в полуподвал стоящего на отшибе дряхлого особняка. – Ну, вот хотя бы этот, который у них за главного? И тогда я зря сказал про зоопарк...»

* * *

– Вовочка, это ты? – обрадовалась хозяйка, закутанная в уютный, обширный, цветастый байковый халат, из тех, что продаются на вещевых рынках с надписью «большие размеры». На ее голове рядами выстроились вроде бы уже давно исчезнувшие из продажи оранжево-желтые бигуди, которые перед употреблением надо варить в кастрюле. – Проходи, проходи, мальчик мой. А у меня, как знала, как раз беляши готовы. Маленькие, как ты любишь. А чего ж ты один, без Олечки, без мальчиков?

– Прошу прощения, Клавдия Петровна, за несвоевременный и необъявленный визит. Я пытался позвонить, но ваш мобильник не отвечает, а городской телефон все время был занят...

– Это я с подружками болтала, – вставила Клавдия Петровна, но сбить Владимира с недосказанной формулы было невозможно в принципе.

– Если я помешал вам, нарушив вашу приватность, скажите мне, пожалуйста, об этом, и я немедленно покину ваш дом, принеся вам соответствующие извинения.

– Вовочка, ну ты хоть среди своих эти Аннушкины штучки брось, а? – досадливо сказала Клавдия Петровна. – Уши же вянут слушать. Я все понимаю, надо быть вежливым, но...

– Скажите мне, пожалуйста... – непреклонно начал Владимир.

– Все, все, все! – воскликнула Клавдия Петровна. – Ты не нарушил мою приватность и я рада тебя видеть! Все!

– Спасибо за то, что согласились принять меня в неурочное время, – Владимир наклонил голову, привычно переобулся в безразмерные байковые шлепанцы неопределенного цвета (похожие когда-то выдавали посетителям музеев) и прошел в большую из двух комнат. – Как здоровье Ларисы Тихоновны?

– Да все также! – вздохнула Клавдия Петровна. – Без перемен. Врачи все ходят, ходят, чего-то назначают, да только мне кажется, что без толку это все. А ходят-то потому, что я им деньги плачу...

Лариса Тихоновна, престарелая мать Клавдии Петровны, несколько лет назад перенесла средней тяжести инсульт, а потом, не до конца оправившись, встала с кровати «цветочки полить», упала и сломала шейку бедра. С тех пор она фактически превратилась в лежачую больную, за которой нужен был постоянный уход. Клавдия Петровна ни на что не жаловалась, но ей приходилось нелегко, так как с каждым проведенным в постели годом старуха становилась все более капризной и нетерпимой. Когда из-за развившейся глаукомы она перестала разбирать текст в книгах и газетах (проработав всю жизнь учительницей словесности, Лариса Тихоновна всегда много читала), она не удовлетворялась телевизором (там все ерунду какую-то показывают!) и требовала, чтобы ей каждый день читали вслух.

– Если Лариса Тихоновна не спит, я могу почитать ей, – предложил Владимир.

– Посмотрим потом, – отмахнулась Клавдия Петровна. – Ты ведь небось не затем пришел, чтоб старухе Драйзера вслух читать. Сначала чаю выпьем с беляшами да поговорим.

Владимир помог Клавдии Петровне накрыть маленький столик у окна (сервировка стола входила в детдомовскую программу обучения этикету). Сам заварил и сам разлил чай в низкие широкие чашки («когда мужчина приглашен на чаепитие с дамой, он заваривает и наливает чай, а дама подает на стол сладости»). Когда Клавдия Петровна вернулась из кухни с тарелкой аппетитно-масляных беляшей, Владимир встал, пододвинул ей стул и не сел, пока не села хозяйка.

– Да ну тебя, оглашенный! – махнула рукой Клавдия Петровна, но видно было, что ей приятно. Про себя она решила, что потом все-таки попросит Вовочку минут двадцать почитать матери. Лариса Тихоновна явно выделяла Владимира, благоволила к нему и говорила, что он «не наглый, как все нынешние». К тому же Владимир вслух читал «громко и с выражением», как обычно читают ученики третьего класса. Если он сегодня порадует старуху чтением, то она помягает и, возможно, у Клавдии Петровны в кои-то веки выдастся спокойный вечерок, без дерганий и бесконечных придинок, с возможностью посмотреть телевизор...

– Ну давай, выкладывай, зачем пришел? – строго и даже грубовато велела Клавдия Петровна после первой чашки чая.

Она вытерла вспотевший лоб клетчатым носовым платком, а Владимир привычно, словно испрашивая поддержки, окинул взглядом фотографии и полки на стенах. На фотографиях были изображены по преимуществу выстроившиеся в ряды люди с фирменными советскими улыбками и умеренно стеклянным выражением молодых лиц. На каждой фото-

графии где-то в рядах стояла и молодая Клавдия Петровна. Несколько фотографий отображали встречу зрелой Клавдии Петровны времен ее профсоюзной карьеры с какими-то, должно быть, известными людьми опять же советских времен. На полках, кроме немногочисленных книг, стояли грубоватые, тускло блестящие кубки с эмблемами. Когда-то, в далекой молодости, Клавдия Петровна успешно толкала ядро и на пике формы заняла четвертое место на чемпионате Советского Союза. Кубки были ее честно заработанными призами. В целом комната имела какой-то мемориально-ностальгический вид. Где-то в углу явно напрашивалось пыльное красное знамя с золотыми кистями и пионерский барабан. Со всей прочей обстановкой явно дисгармонировал висящий у входа большой бумажный плакат, изображавший ансамбль «Детдом», в полный рост и в полном составе стоящий на сцене.

– Некоторые события последнего времени поставили меня в тупик, – спокойно сообщил Владимир. – Это касается не только меня. Поскольку я некоторым образом отвечаю за... за весь наш ансамбль...

– Кто приходил и что говорил? – спросила Клавдия Петровна. – Говори коротко и без подходов.

Владимир, насколько возможно сократив «подходы», рассказал о визите Усиков, патриота, и о разговоре, который состоялся между Ольгой и Огудаловой.

– Я, если позволите, Клавдия Петровна, не совсем понял, что именно им от нас нужно? Если дело обстоит именно так, как описал господин с усиками, то почему бы им не выпустить на сцену кого угодно, попросту придумав им «несчастную» биографию, аналогичную нашей. А если дело все-таки в каких-то наших личных талантах и находках, то почему никто из них об этом даже не упомянул? Как можно эксплуатировать что-либо, не называя этого и не признавая его существования! Это просто неудобно и, конечно, нерационально. Может быть, вы сочтете возможным мне объяснить?

Клавдия Петровна долго молчала, опустив голову и то и дело прикладывая к лицу и шею платок. Потом сокрушенно покачала головой.

– Ох, Вовочка, если бы я сама могла во всех этих современных делах разобраться и тебе подсказать! Я ведь росла и на ноги становилась, когда и слова-то такого – «бизнес» – в помине не было. Слова-то я выучила, конечно, а толку что! Старую собаку новым штукам не научишь... Если хотите и дальше тем же делом заниматься, придется вам, видно, идти на поклон к кому-нибудь из этих...

– Простите, но об этом не может быть и речи! – резко возразил Владимир. – Ваше сотрудничество с нами, Клавдия Петровна, устраивает нас по всем параметрам. Мой же визит к вам объясняется единственно моим желанием прояснить для себя окружающую нас на данный момент обстановку.

– Я тебе так скажу, Вовочка: на данный момент несколько средних размеров акул, почуяв добычу, кружат вокруг вас в мутной воде и прикидывают степень вашей съедобности и тот кусок, который удобнее отхватить первым. Вот мадам Огудаловой явно наша Оленька приглянулась... А о талантах – ты спрашивал – они не упомянули по одной простой причине: деньги их интересуют гораздо больше. Я даже и не знаю, как это все получилось. Даже самой себе, не то что тебе объяснить не могу. Жили, жили, вроде бы вообще о деньгах не думали... Соцсоревнования всякие, честь страны, коммунизм – светлое будущее... – Клавдия Петровна бросила задумчивый взгляд на стены. – А потом вдруг – р-раз... и они, проклятые, на первом месте оказались... Непонятно... Где ж это все до времени пряталось-то?

– Значит, если мы и дальше хотим развиваться в этом же направлении, нам понадобится еще чей-то совет? – уточнил Владимир.

– В самую точку! – с облегчением сказала Клавдия Петровна. – Ты не думай, я вас, пока я вам нужна, не брошу, а только... Слушай, а что там сейчас Аркадий-то, гура ваш? В своем

уме или как? Сама понимаю, что не дело, но как-то же вы с ним умудряетесь советоваться. Вот и клип сделали ни на кого непохожий – многим, я знаю, нравится...

– Надо говорить «гуру», – педантично поправил Владимир. – К сожалению, у Аркадия Николаевича сейчас не лучший период. Женя и Дмитрий недавно навещали его в больнице...

– Не надо бы Димочке лишний раз туда ходить. Сам бы лучше сходил или Егорка с Олечкой. Не ровен час...

После начала творческой деятельности ансамбля «Детдом» диагнозы членов группы нигде и никем не афишировались. Даже ушлые журналисты как-то описывали все в прошедшем времени: воспитывались в интернате для умственно-отсталых, а потом... Потом, получается, вылечились полностью и окончательно. Святая сила искусства. Или изначально были здоровы, что тоже годится. Карательная психиатрия, печальная участь оставшихся без родителей детей...

Все эти варианты не имели никакого отношения к истине. Относительно психически здоровым можно было считать Владимира, у которого из-за событий раннего детства, возможно, действительно сформировалась лишь функциональная задержка развития. У Ольги не было никакой задержки, зато имелось множество плавно перетекающих друг в друга страхов, от которых она время от времени пряталась в самые неожиданные места. Особенно она почему-то боялась воды, никогда в течение сознательной жизни не плавала ни в реке, ни в бассейне и даже не принимала ванну. Мылась только под душем. Женя имел в своем активе периодически (впрочем, в последние годы достаточно редко) возникающие припадки неконтролируемого буйства, которые, несмотря на внешнюю Женину субтильность и маленький рост, делали его опасным для окружающих. Егор же иногда, без всяких внешних причин, попросту «отключался» и тогда ложился на кровать или на пол и лежал молча, глядя перед собой широко открытыми глазами и не отвечая на вопросы окружающих. Врачи полагали, что в Женином и Егоровом случаях речь идет о какой-то очень ранней, скорее всего, перинатальной травме и следующем за ней органическом поражении головного мозга. Сия травма уже случилась, все свои поражения нанесла, и теперь с ней можно было только жить, надеясь на какую-то последующую компенсацию. Ольге традиционно ставили диагноз «неврастения». В случае же Дмитрия явно имел место какой-то процесс и прогноз все время оставался муторно-неясным. Когда Дмитрий впадал в окончательный пессимизм, он всегда приставал к Жене (почему-то только к нему) с одним и тем же вопросом: «Обещай мне, если я окончательно свихнусь, лягу в угол и буду слюнями истекать, ты меня убьешь. Пристрелишь или еще как-нибудь, все равно. За грех это не сочтется, потому что я тогда буду уже не человек. А мне так спокойнее жить будет. Обещаешь?» – Женя, серьезно кивая, каждый раз обещал непременно пристрелить друга в случае вышеописанного неблагоприятного развития событий. Дмитрий, как ни странно, после очередного такого обещания сразу успокаивался.

– Аркадий Николаевич сам просил Дмитрия прийти, – пожал плечами Владимир. – Сказал, что давно с ним не беседовал. Вы же знаете, когда у него обострение, ему с Дмитрием сподручнее всего. Я не сумел отказать... Вы думаете, можно спросить у Аркадия Николаевича?

– Да нет! – тяжело вздохнула Клавдия Петровна. – Что там у сумасшедшего спрашивать! Так это я, от безысходности.

– Из любого, самого сложного положения обязательно есть выход, – назидательно произнес, как будто бы прочитал в конспекте, Владимир. – И мы его обязательно отыщем. А сейчас, Клавдия Петровна, я с вашего позволения съем еще один, последний, но от этого не менее восхитительный беляш и отправлюсь к Ларисе Тихоновне.

– Благослови тебя Господь... – тихо сказала Клавдия Петровна. – И прости меня, дуру неверующую.

Глава 4

В единственной комнате квартиры явно доминировал компьютер. Все остальное жалось по стенкам и вело себя скромнее некуда. Компьютер и его технические прихлебатели стояли на очень большом, старом, совершенно не компьютерном столе и были переложены книгами, как яблоки для сохранности перекладывают сухой травой. Причем физиономия у этого компьютера была откровенно мужской. А в хозяевах, напротив, числилась женщина. Уже известная нам Анджа, она же – Анжелика Андреевна Аполлонская.

– Анджа, скажи честно, ты что – волнуешься? – спросила сидящая в кресле полная, красивая и ухоженная женщина. Особенно хороши были у нее предплечья, белые, округлые, с тонкими золотыми браслетами. День стоял по-весеннему знобкий, в квартире гуляли, проветривая сами себя, веселые, засидевшиеся за зиму по щелям сквозняки. Несмотря на это гостья была в платье без рукавов, но с высоким воротом, скрывающем шею.

Сама хозяйка сидела у стола на крутящемся офисном стуле и теребила длинными пальцами компьютерную мышь.

– По-видимому, да, – откликнулась она с ноткой сомнения в голосе.

– Но почему? Ты что, до сих пор... до сих пор испытываешь к Олегу какие-то чувства?

– Не говори ерунды!

– Почему же это ерунда? – меланхолично спросила гостья. – Вполне нормально, по моему. В юности любовь-надежда. В старости любовь-благодарность...

– За что же это я, по-твоему, должна его благодарить? – искренне удивилась Анджа.

– Ну-у... за Антонину хотя бы.

– Антонина – это да, – кивнула Анджа. – Это серьезно. Но мне почему-то кажется, что многими годами ее одинокого выращивания я оплатила свой благодарный вексель. И теперь мы с Олегом вполне в расчете за... гм-м... ну, скажем так – за момент инициации Антонинино существования.

– Ты бы еще сказала: за расход генетического материала! – рассмеялась женщина в кресле. – Сказать по чести, я и не думала, что для тебя все это еще так живо...

– А тебя, Светка, никто и не просил думать! – огрызнулась Анджа. – По крайней мере – думать на эту тему.

– Ну надо же мне о чем-то думать, – примирительно произнесла женщина. – Пока Настька внуками меня не обеспечила...

Светлана была приемной матерью дизайнера Насти. Своих детей у нее быть не могло после раннего неудачного аборта. С Анжеликой они вместе учились на биологическом факультете Университета и с тех пор дружили. Четвертый муж Светы Леонид был старше ее и занимался чем-то, связанным с нефтью. Так что в деньгах Светлана не нуждалась. Иногда казалось, что она нуждается в Анжелике, хотя невозможно было понять, какого именно рода эта нужда. Встречаясь время от времени и даже по телефону, подруги постоянно пикировались, задевали или подкалывали друг друга. По уровню материального достатка и кругу общения они тоже принадлежали теперь к разным слоям, и вроде бы не имели даже общих тем для разговора.

– Если твою Настьку не пнуть как следует пониже спины, она сама просто не озаботится, – заметила Анджа. – Я тут намеренно попыталась...

– Спасибо тебе, подруга.

– Не за что. Почему бы вам с Леонидом просто не выдать ее чин чином замуж? Мне кажется, она даже и противиться-то не будет. Просто не заметит. Будет себе сидеть на свадьбе куль-кулем и рисовать узоры на салфетках...

– Наверное, ты права, – подумав, сказала Светлана. – Проклятые предрассудки мешают. Человек должен быть свободным...

– Вот уж чего человеку не надо, так это свободы! – заметила Анджа. – Вся история тому подтверждением: как только его хоть от чего-то освобождают, он тут же начинает оглядываться в поисках следующего ярма, в которое можно просунуть шею. Когда «охтинскую богородицу» – петербургскую аферистку начала 20 века Дарью Смирнову, наконец, засудили за мошенничество, обобранные и одураченные ее поклонники устраивали демонстрации возле окружного суда на Литейном проспекте и вопили: «Дорогая матушка, умрем за тебя!»

– Да я же не про то, что Настьке свободы надо, – досадливо нахмурилась Светка. – Я про себя. И про тебя тоже – ты ведь от Антонинино Виталика не в восторге, а и слова небось поперек не сказала...

– Не сказала, – согласилась Анджа. – Где мне судить?

– Отчего же и не тебе? Ты – мать все-таки.

– Именно – все-таки... Я слишком много времени, а главное, слишком много сил тратила на себя.

– О чем ты говоришь, подруга?

– Это трудно описать. Что-то вроде ледяной иглы внутри позвоночника, которая никогда не дает расслабиться. Нельзя привалиться к чему-нибудь надежному, теплему. Потому что заранее известно – за спиной ничего нет, рассчитывать можно только на себя и свои силы. Жаловаться нельзя и некому. Ирка называет это «грехом гордыни». Мне трудно судить, но, возможно, в христианском учении говорится именно об этом. Почти двадцать лет я помнила, что на мне – Антонина, а за мной – никого. Знала это каждую минуту и боялась – не справиться. Просыпалась посреди ночи – а что станет с ней, если я тяжело заболею? Попаду под машину? Потеряю и не смогу найти работу? Не смогу заработать достаточно денег? А вдруг она все-таки захочет учиться, и я не смогу оплатить ее учебу? Вокруг все рушилось и летело в тартарары, менялись имена, цены, общественно-экономические формации. Если бы был хоть кто-то, чью руку я могла бы сжать и получить ответное пожатие... Я прекрасно понимала, что мне, в сущности, на общем фоне везет. У меня была молодость, образование, работа, друзья, мама, крыша над головой. Многие не имели в активе и этого. Может быть, если бы у меня был отец, все сложилось бы по-другому. Но это – заморочки для фрейдистов. У меня были только ощущения. Странно, но пока был Советский Союз, я чувствовала себя уверенней, и как бы немного под защитой. Наверное, тоталитарное государство в чем-то все же заменяет людям Бога. Когда не осталось и его, у меня, фигурально выражаясь, все время были отпечатки ногтей на ладонях. От сжатых кулаков. Я прекрасно понимала, что напрасно так напрягаюсь, видела, что большинство людей этого, кажется, не делают, но не могла иначе. Когда у меня возникает фантазия кого-нибудь во всем этом обвинить, я обвиняю – Олега. Честное слово, мне проще было бы жить – вдовой...

– Анджа, ты с ума сошла! – с испугом воскликнула Света. – Что ты такое говоришь!

– Ничего. Обычные человеческие чувства, в норме не пригодные к обнародованию.

– Но при чем тут Олег? Он же уехал и ничего об этом не знал.

– Я же сказала: когда у меня возникает фантазия. Обычно я не хуже тебя знаю, что человек только сам виноват во всех своих заморочках. Как ты помнишь, я четыре года была замужем за вполне приличным человеком. Что бы мне было не прислониться к его плечу?

– Да, действительно! – с издевкой повторила Светлана. – Совершенно не понимаю: что это ты не прислонилась к плечу Карасева?

– Он... Олег распахнул для меня двери и показал, как оно может и должно быть между людьми... а потом уехал и двадцать лет жил на другой стороне глобуса. Я на своей стороне научилась не просыпаться с памятью, мучительно нацеленной на него. Я научилась жить с ледяной иглой в позвоночнике. И вот теперь он приезжает сюда... Зачем, Светка? Я совершенно не хочу его видеть!

– Анджа... – Светлана казалась озадаченной и нешуточно расстроенной оборотом беседы. – Я знаю тебя лет двадцать пять, но ты... ты никогда не говорила ни о чем подобном. Я, да мы все и подумать не могли... Ты всегда казалась такой спокойной, уравновешенной...

– Да я не казалась – я и была спокойной и уравновешенной, – улыбнулась Анджа. Серые ледяные осколки в ее глазах растаяли, и лицо сразу стало мягче и округлей. – Да и сейчас нет никакого повода для паники. Подумаешь, встреча однополчан... Где те страсти, где те сражения, где павшие на них? Поля давно заросли травой, кости выбелил ветер и птицы свили гнезда в кронах выросших из воронок березках... Кто герой, кто предатель – какое это теперь имеет значение? Никакого, ровным счетом никакого... Не обращай внимания, Светка, не циклись, как говорили в наши студенческие времена. Помнишь?

Светлана с сомнением смотрела на подругу и очевидно для постороннего взгляда циклилась. Более всего ее интересовали руки Анджи, которые оставили терзать мышь и уже давно исчезли где-то под столом. Ей хотелось вытащить, развернуть их и проверить, нет ли на ладонях отпечатков ногтей.

– Может быть, мне уйти от Леонида? – спросила она наконец, глядя на свой собственный маникюр, состоящий из накладных ногтей устрашающей длины и украшенный каким-то серо-зеленым орнаментом – последний писк визажной моды.

– А смысл? – спросила, в свою очередь, Анджа. Светлана с облегчением увидела, как правая рука подруги выползла из-под стола и снова завладела многострадальной мышью. Мышь вертелась, подпрыгивала и виляла хвостом.

– Мне даже как-то неловко говорить, потому что я получаюсь тут уж совсем какой-то сволочью. Понимаешь, он стал какой-то старый...

– Ничего удивительного, Леониду и в самом деле немало лет, он всегда много работал... Но, ты знаешь, когда я в последний раз его видела... он выглядел, по-моему, вполне прилично. Дай бог всем мужикам в его годы... Или... погоди... он чем-то болен?

– Ну ты, подруга, даешь! – восхитилась и возмутилась Светлана. – Значит, ты думаешь, что Леонид чем-то серьезно заболел и я сразу же, не дожидаясь острой фазы, решила сделать от него ноги... Ничего себе, мненьице обо мне...

– Светка, я...

– Да ладно. Я тоже крылышек за спиной не ношу. Понимаешь, он стал старый... как-то психически, от головы. Брюзжит, всех не одобряет, что бы не читал или не смотрел, все время такой напыщенно-возмущенный тон: «А эт-то что такое?!» «Нет, ну что за придурки!» Ничего его не радует, не веселит, не увлекает. Только вот это его брюзжание, и доказательства, что кто-то в чем-то ни черта не понимает, или неправильно делает. Он, вроде, и сам это чувствует, но ничего не может поделать. Недавно ехали по университетской набережной, я попросила шофера остановиться, решила поностальгировать, с трудом вытащила Леонида к сфинксам, стою, что-то ему рассказываю времен нашей с тобой боевой молодости. И тут же – двое таких ободренных студентиков – он и она. Из современной хиповой генерации, не знаю, как уж они теперь сами себя называют, но амуниция все та же – сумочки-тряпочки, браслеты-фенечки, хайратники, бахрома. Смотрят друг на друга, чирикают, едят какой-то пирожок с кошатиной, один на двоих, по очереди откусывают. По глазам видно, что не из богатых семей... Вдруг Леонид меня прерывает на полуслове и говорит: «господи, какие же они счастливые!» Я, когда сообразила, в чем дело, решила проявить чудеса понимания. «А, – говорю, – счастливые, это потому, что у них все впереди, да?» – «Нет, – отвечает мой супруг. – Откуда я могу знать, что у них впереди? Может, там и нет ничего. Счастливые, потому что вот сейчас этому пирожку, и этой набережной и друг другу радоваться могут. А я уже ни черта не могу. Знаешь, так хочется им сейчас что-нибудь подарить. Вот, хоть этот джип, что ли... или хоть кредитку с кодом – и за это присосаться, отвампитить кусочек их радости.» – «Не надо, – говорю я. – Только все испортишь.» – Огрызнулся: «Сам знаю!» – и больше до дома ни слова не сказал...

Я думала про все это, и вот что придумала. Если бы мы с ним в молодости поженились, вот как те ребяташки, и у нас за тридцать лет все уже было, так я бы наверное, не только не злилась, а даже жалела его или просто за обыкновенное дело считала. А тут... он же мне чужой, понимаешь? Было такое джентльменское соглашение двух одиночеств, все всех устраивало, а потом ему все (вообще все, а не только я) надоело, он перестал держать марку, и вдруг, откуда-то, сразу, рядом – чужой старик. И нельзя вспомнить, когда у него были кудри и блестящие глаза, и молодой смех, и как возились, задыхаясь от восторга, на продавленном диване на чьей-то даче... Нет якоря в прошлом, и не за что зацепиться сегодня. Понимаешь меня? Вот я нашла зонтик в углу шкафа, ребро сломано, и жучки поели. Рухлядь.

«А когда-то мы бежали под ним под проливным летним дождем через Дворцовую площадь...» – «А у тебя были белые босоножки...» – «И у них отвалился каблук и ты прибивал его обломком кирпича под Аркой Генерального штаба» – «И так и не сумел прибить и ты шла по лужам босиком, в чулках...» – «А этот чертов зонтик уже тогда ни на что не годился, его выгибало ветром, и мы были все мокрые и целовались на эскалаторе в метро „Гостинный двор“,» – «А у тебя был такой холодный и мокрый нос, и ты все время, как щенок, тыкалась им мне в шею...»

И все это даже не говорится вслух. А вслух просто: «Выбросить, что ли?» – «Оставь, пусть будет. Кому он мешает?» – «Ну ладно, пускай» – И взгляд глаза в глаза, а там – тот летний дождь, и нет вокруг никаких морщин, и обвисшего брюха, и тухлой отрыжки погасшего огня...

И мне совсем не хочется Леонида жалеть и понимать тоже не хочется. Я сволочь, конечно, это даже и не обсуждается...

И еще, понимаешь, ему теперь, похоже, секс вообще не нужен. При том он не импотент, нет вовсе, все может. Просто ему – не хочется, ни к чему как-то. Не только со мной, вообще ни с кем. Конечно, иногда он со мной все же трахается, из вежливости – женат все-таки, положение обязывает. Обычно раз в месяц, по вторым понедельникам, после совещания в главке – он в этот день пораньше приезжает. Все время хочу и забываю посмотреть, записано ли у него в ежедневнике, после «совещ. в Гл.» – «тр. Св.»? Так и хочется ему всю морду расцарапать, когда он...

– Заведи любовника, – предложила Анджа.

– Ты же знаешь, что я не могу. У меня принцип. Я никому из всех своих мужей никогда не изменяла.

– Принципы для того и существуют, чтобы их нарушать. Не забывай, в конце концов, что ты живешь на деньги Леонида. И неплохо, надо заметить, живешь, ни в чем себе не отказываешь.

– Подумаешь! – фыркнула Светлана. – Пойду работать, заработаю денег. Что у меня – семеро по лавкам? Голова есть, здоровье тоже.

– Я слышала, что люди быстро привыкают к высокому уровню потребления, – официально заметила Анжелика.

– Как привыкают, так и отвыкают, – отмахнулась Света. – Ты думаешь, я так уж западаю на все эти массажи-макияжи, фитнес клубы и прочее? Мне все равно все это не впрок, я по жизни толстая и пирожные люблю, и колбасу розовую с туалетной бумагой и холестерином. В Париже и в Индии (детская мечта!) я побывала, а все остальное... Мне, знаешь, Анджа, любому надо бы на работу устроиться. Ну сколько, в самом деле, можно бездельничать?! Дело хоть какое-то будет, уставать начну не от тренажеров, коллектив нормальных теток и дядек, дразги всякие, жалобы, что денег до полочки не хватает...

– Светка! – предупредила Анжелика. – У тебя симптомы той же болезни, что и у Леонида. Я об этом никогда не думала, но, возможно, она заразная. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку.

– Но в другую-то можно? Моемся же мы каждый день, а не один раз в жизни, – отпаривала Света. – А насчет работы для меня – подумай. И если тебе что-нибудь такое подвернется, свистни сразу же. Хорошо?

– Обязательно, – кивнула Анжелика. – Как только – сразу же свистну. Но ты могла бы попросить Леонида. У него есть связи...

– Ага! – некрасиво окрысилась Светка. – Он сначала не одобрит вообще идею, побрюзжит недельку, а потом подберет для меня что-нибудь подходящее – респектабельное и скучное донельзя. И буду я вместо тренажерных залов и массажных кабинетов где-нибудь изящно перебирать бумажки или чему-нибудь такому председательствовать. Магазин-то открыть он мне не позволит...

– Светка! – удивилась Анджа. – Ты что, хотела бы открыть магазин?!

– Ага, – мечтательно кивнула Света. – И чтобы там торговали знаешь чем? – Анжелика отрицательно помотала головой, потом предположила:

– Косметикой? Украшениями? Женской одеждой?

– Всякими строительными товарами, – сказала Света. – И красками, и лампочками. Знаешь, мне с детства очень нравится, как свежие доски пахнут... Я еще можно кафе, только обязательно в подвале... Чтобы там было всегда накурено, и собирались всякие люди, и спорили, и думали, что они что-то такое в мировом порядке решают...

– Светка, не говори ничего больше. Я поняла.

* * *

На первый взгляд комната похожа на декорацию к какому-то старому, незлому и по-хорошему глуповатому фильму. Что-то про освоение целины или пятилетние планы. Декорации призваны подчеркнуть молодость и аскетичность эпохи.

«– Марья, корма засыпаны?»

– Засыпаны.

– Техника на поля вышла?»

– Вышла... Иван, ты меня любишь?»

– Не время, Марья, не время!»

Две стоящие вдоль стены узкие тахты аккуратно застелены одинаковыми клетчатými пледами. В изголовье треугольником стоят подушки. Шкаф для одежды, телевизор на стенной полке на кронштейнах. Полка выглядит самодельной, телевизор – вполне современным. Два стола, обычный письменный и компьютерный. Огромное количество дисков сложены в высокие контейнеры. Два старых венских стула и одна недавно покрашенная табуретка со следами ремонта. С мебелью – все. Темные, старые обои, матовая, но сильная лампочка, свисающая с потолка на длинном проводе, старый деревянный карниз без занавесок, на подоконнике – горшок с чахлой геранью, за окном – недалекая стена соседнего дома. Полное отсутствие уюта. Очень спокойная и в целом законченная обстановка.

Девушка стоит у окна. Юноша – ближе к двери. Разговаривают как будто бы по телефону через пару континентов. Связь – плохая.

– Как здоровье Аркадия Николаевича? Ты говорил с врачом?»

– Говорил. Врач сказал: состояние стабильное.

– А как ты сам думаешь, Владимир? Как видишь?»

– Я думаю, Ольга, что кризис действительно позади. Можно опять ждать ремиссии.

– Хорошо бы так...

Они всегда называли друг друга полными именами. Когда-то, еще в детдоме, их научила этому преподавательница этикета. «У вас у всех красивые и значительные имена, – объяснила она им. – Владимир, Евгений, Георгий, Дмитрий, Ольга. Они звучат и это важно. В вашем

патологически коммунальном интернатском бытии, где практически никто никогда не остается один, вы можете это использовать. Звучание ваших имен послужит для вас хоть какой-то защитной стеной. Нынешнее общество вообще тяготеет к фамильярности, называя это демократизмом. А вы, из-за вашего изначального положения детей-париев, прямо-таки на нее напрашиваетесь. Всех так и тянет снисходительно похлопать вас по плечу или сочувственно погладить по голове. Вы понимаете меня?»

Их преподавательница этикета происходила из старинного, но странного рода. Только в России, наверное, бывают такие роды, которые в течении 200 лет, несмотря на все перемены, остаются в непререкаемой, отдающей высокомерием оппозиции существующему государственному устройству. Возможно, их нелепые на первый взгляд усилия каким-то причудливым образом компенсируют особенности толпы, охотно и плавно, как водоросли, колеблющейся вместе с модой и линией правящей партии. Декабристы – народовольцы – эсеры – большевики – диссиденты и т.д.

Анна Сергеевна носила длинные черные юбки без разреза, умела ставить границы и всегда выглядела так, как будто бы еще в детстве случайно проглотила линейку, но за много лет приспособилась вполне к своему положению. С нележкой руки Владимира все сказанные ею слова музыканты ансамбля «Детдом» воспринимали как прорицания оракула.

Они всё поняли и какое-то время все пользовались этим. Потом Женя и Егор устали и сократились. А Ольга, Владимир и Дмитрий продолжали называть друг друга полными именами. И все окружающие их тоже так называли. Они сохраняли границы, но иногда не могли вспомнить, зачем это нужно. Вот как, например, сейчас.

После окончания коррекционной школы государство признало их вполне самостоятельными гражданами и выделило им на пятерых три комнаты в пятикомнатной коммуналке на Нарвском проспекте, в третьем от улицы проходном дворе. Все думали, что Ольга и Владимир поселятся вместе, потому что еще в интернате было очевидно, что они – пара. Но получилось иначе. Ольге выделили отдельную комнату, самую маленькую и светлую. Владимир поселился в одной комнате с Дмитрием, а Егор – с Женей. Соседи – строительный рабочий-пенсионер и супружеская пара немолодых бухгалтеров, узнав, что в освободившиеся комнаты въедут пятеро бывших детдомовцев, да еще и музыканты – обреченно затихли. Но скоро поняли, что все их опасения были напрасны. Вселившиеся ребята не устраивали никаких дебошей, не включали современную музыку и с сумрачной регулярностью и тщательностью роботов убирали места общего пользования. Вычурная вежливость старшего из них иногда просто пугала. Впрочем, с соседями детдомовцы почти не общались, а все попытки любопытных стариков влезть в их быт пресекали вежливо, но неукоснительно. Чуть податливее других казался соседям увалень Егор. Через него они и узнавали новости из жизни квартирной молодежи. Однако, на самый животрепещущий вопрос: «Какие, собственно, отношения между вашим „старшим“ и девушкой?» – не мог ответить и он.

– Владимир, может быть, нам и не надо ничего этого? – спросила Ольга. – Мы могли бы тоже устроиться куда-нибудь, как Женя с Егором. Или еще как. И жить спокойно.

Помимо всех музыкальных упражнений, репетиций и концертов, Женя с Егором работали дворником на одно место на площадке возле автомобильного салона. По очереди по утрам подметали площадку, сгребали листья или убирали снег. Опустошали урны, чистили газоны. Деньги на двоих платили небольшие, но верные и нелишние. Инициатором этой деятельности был Женя. Он уверял, что ему, чтобы «не психовать», нужна какая-то осмысленная физическая активность, например, наводить чистоту. А Егору та же активность нужна для того, чтобы, наоборот, когда-нибудь не заснуть и не отключиться окончательно.

– Я не хочу, Ольга, чтобы ты работала дворником.

– Да. Я, наверное, могу выучиться на секретаря. Помнишь, у меня получалось с компьютером. И ошибок в письме я никогда не делаю. Если бы я окончила курсы...

– Ты не хочешь петь?

– Да. Я могла бы петь для вас... для друзей... просто так... А чего хочешь ты, Владимир?

– Как только я сам буду знать, я скажу тебе – первой. Аркадий Николаевич говорит, что у человека есть врожденная потребность в самореализации. Я, кажется, забыл фамилию ученого, который ее открыл. Возможно, его звали Ламарк.

– Он что-нибудь тебе посоветовал? Прочитать книги Ламарка?

– Нет. Он сказал, что сам не знает, а нам надо отыскать человека, в бескорыстии которого можно быть уверенными, и поговорить с ним о нашей дальнейшей судьбе.

– Да. Такие люди существуют? Я много раз слышала, что все продается.

– Ты сама знаешь, что это не так. Аркадий Николаевич порекомендовал мне обратиться к одной женщине. Он сказал, что она очень умна и во всей этой ситуации наверняка станет исходить из наших, а не из своих собственных интересов. До того, как продали и расселили их коммуналку, он жил с ней в одной квартире. Мы приходили туда и я ее, кажется, даже смутно помню. Такая высокая, с пышными волосами.

– Да! – оживленно воскликнула Ольга. – Я тоже ее помню. У нее тогда почему-то жили морские свинки. Штуки четыре или даже пять. Ужасно глупые и симпатичные. Они пахли опилками и сеном. Она давала их мне поиграть. Как ее зовут? Где она теперь живет?

– Аркадий Николаевич дал мне ее новый адрес. Ее зовут Анжелика Андреевна Аполлонская.

* * *

– Антонина, у меня такое впечатление, что ты хочешь не то о чем-то меня попросить, не то что-то спросить. Решайся, пока самолет еще не прилетел, – сказала Анжелика, рассеянно скользя взглядом по табло прибытия.

Со времени, когда она смотрела на него прошлый раз (несколько секунд назад) на табло ничего не изменилось. Самолет из Франкфурта (именно там, в Германии находилась самая удобная развязка для перемещения из Мексики в Россию) по прежнему задерживался.

– Да, мама, – слегка улыбнулась Антонина. – Я была бы тебе очень признательна, если бы ты теперь перестала кидать вокруг себя эти дезинфицирующие взгляды.

– Дезинфицирующие? – подняла бровь Анжелика.

– Ну да. Видела по телевизору рекламу про то, как какое-то средство убивает микробов в унитазе? Так вот мне кажется, что тебе сейчас достаточно на этот унитаз просто посмотреть – и все микробы в нем сдохнут от ужаса.

– Я не совсем понимаю, о чем ты говоришь, но могу, наверное, просто почитать книгу. Пойдем, сядем. А где Виталий?

– Виталик пошел в зал отправления играть на автоматах, – объяснила Антонина. Велел позвонить ему по мобильнику, когда объявят прибытие. Впрочем, в том зале его тоже, кажется, объявляют.

– Не понимаю, зачем ты вообще притащила его с собой? Если бы вы были женаты, это еще туда-сюда, сразу представить прибывшему отцу своего мужа... А так... Какое дело Олегу до твоего бой-френда, а Виталию – до твоего как бы отца? Что они будут друг другу говорить?

– Не знаю, – Антонина пожала широкими плечами. – А на твой вопрос отвечу, если ты объяснишь мне, зачем ты привезла с собой тетю Лену.

– Может быть, ты заметила, что это не я ее, а она меня привезла сюда на своей машине. У нас, как ты знаешь, машин нет. Я не знаю, сколько у Олега и Кеши багажа...

– Я уверена, что они вполне могли бы разориться на такси...

– Что же касается твоего намека относительно того, что я взяла Лену для моральной поддержки, – невозмутимо продолжила Анжелика, как будто бы ее и не перебивали. – Это абсо-

лютно справедливое предположение. Но в моем случае это объяснимо – нас с Олегом связывают все-таки непростые отношения с давней историей. Что же касается тебя, то у тебя с ним никаких отношений попросту никогда не было.

– Зато у тебя нет с ним кровного родства, – отпарировала Антонина. – А у меня – есть.

– То есть, ты хочешь сказать, что твой Виталик каким-то образом будет охранять тебя от неуместных реплик со стороны пресловутого «голоса крови»? – уточнила Анжелика. – Спорное предположение, но за неимением лучшего...

– А куда, кстати, подевалась тетя Лена? – спросила Антонина.

– Она снаружи, в машине, говорит по телефону. Как только закончит, подойдет сюда.

– А мы все с ихним предполагаемым багажом в ее машину поместимся? – подозрительно спросила Антонина. – Насколько я помню, мой папаша довольно крупный. Да и Кешка обещал быть немаленьким...

– В ее машине девять посадочных мест, – сказала Анжелика. – Она специально, по моей просьбе, взяла «Фольксваген», в котором они на дачу ездят и возят вещи. У самой Лены совсем маленькая машинка, я не помню марку...

– Ты пока читай, а я, пожалуй, тоже выйду наружу, прогуляюсь, – сказала Антонина.

– Когда вернешься, снова придется проходить досмотр, – напомнила Анжелика.

– Ничего, пройду, – мотнула головой Антонина. – Оружия я с собой не ношу... Если что прояснится, сразу звони.

На автомобильной стоянке Антонина сразу заметила фургончик маминой подруги, но не торопилась к нему подойти. Смотрела вокруг, крутила головой, втягивала воздух большими ноздрями. На окружающих международный аэропорт полях все еще кое-где лежал снег, но сами поля уже неумолимо изменили цвет. К серо-желтой зимней гамме прибавилось чуть-чуть розового. На заросшие деревьями и кустами холмы Пулковской обсерватории легла голубоватая, почти прозрачная вуаль. В стеклянном небе бессмысленно на первый взгляд выписывали круги белые чайки, всю зиму столовавшие на окологородских свалках и помойках. Воробы отчаянно орали в чахлах декоративных кустах, окружавших автостоянку. Весна вышла на старт и теперь, в спокойном предвидении неизбежного, безмятежно потягивалась, лениво наслаждаясь последними безработными днями.

– Ну что там мама? – спросила Лена, едва увидев подходящую к ней Антонину. – Не очень... того? Я уже закончила и иду к ней...

– Почему – мама? – немедленно надула губы Антонина. – Почему никто не спросит: как там я?

Капризы в исполнении огромной Антонины всегда смотрелись прекомично, и Лена и теперь не удержалась от улыбки.

– Пусть твой Виталик спрашивает, – усмехнулась она. – Где он, кстати? Неужели нашел в аэропорту бильярд?

– Нет, удовлетворился игральными автоматами.

– Самолет еще не прибыл?

– Нет. Раз мама не звонит, значит – нет.

– Слушай, Тоня, а ты вообще помнишь этого мальчику, Кешку? – спросила Лена. – Хотя какой он теперь мальчик! Ему теперь... ему теперь лет двадцать шесть, да?

– Насчет лет точно не знаю, – сказала Антонина. – А так, конечно, помню. У меня же, в отличие от него, нет амнезии...

В кармане Антонининой куртки заиграли первые такты мелодии из кинофильма «Крестный отец».

– Угу! – сказала Антонина, не доставая телефон. – Уже идем.

Лена с Анжеликой и Антонина с Виталиком парами стояли в небольшой толпе встречающих. Многие держали перед собой карточки с легко прочитывающимися, и более или менее замысловатыми по содержанию надписями латиницей. «Господин Отто Шуленберг» «Отель Москва» «Конференция по болезням эпигастральной области» «Герменевтика» «госпожа Анна Амейн и Ко» «ЦНИИГООП»... Чтобы отвлечься от ожидания, Анжелика и Лена негромко спорили, пытаясь угадать, кто из выходящих в зал к какой вывеске направится. Лена угадывала чаще и откровенно торжествовала победу над психологом-профессионалом. Анжелика в свое оправдание ворчливо попрекала Лену ментовским прошлым. Разнополую компанию небрежно одетых молодых людей обе согласно отнесли к вывеске недорогого отеля «Москва». К немалому изумлению дам вся компания сгрудилась вокруг загадочной «герменевтики». К «эпигастральной области» с ослепительной улыбкой подошел импозантный негр лет пятидесяти с небольшим чемоданчиком из крокодиловой кожи и в таких же, в тон, туфлях.

– Тоник, а ты его вообще-то узнаешь? – спросил Виталик. – Может, нам тоже надо было карточку написать.

– Узнаю, – мотнула головой Антонина. – Я сегодня с утра специально на фотографию посмотрела.

Казалось, все пассажиры франкфуртского рейса уже прошли таможенную и разъехались, а Олега с Кешкой все еще не было.

– Может быть, он привез что-нибудь археологическое в подарок здешним коллегам и его задержали? – предположила Лена.

– Это на вывозе могут задержать, чтобы не увозили национальное достояние, – возразила Антонина. – А на въезде-то что?

– Если, конечно, он мумию не привез, или еще что-нибудь в этом роде, – сказал Виталик и сам засмеялся собственной шутке.

Все четверо увидели их одновременно. Легко шагая через толпу, они оба выделялись своим совсем не немецким, не зимним загаром. Оба несли на плече одинаковые сумки, кажущиеся небольшими и легкими. Они были почти одного роста. Юноша казался чуть светлее глазами и кожей, и двигался с трудно описываемой, но сразу же улавливаемой подсознанием грацией. Если наблюдение удавалось вывести в сознание, то сначала непременно возникала мысль о танцовщиках и спортсменах. Потом эта мысль отбрасывалась, и оставалось опасливое недоумение. Верхняя часть лица молодого человека скрывалась в тени полей широкополой шляпы.

– Анджа, смотри! – потрясенно прошептала Лена. – Олег-то... совсем седой!

– А мы-то с тобой – что? – не глядя, огрызнулась Анжелика. – Ты-то хоть крашеная...

По контрасту со светло-кирпичным загаром, который никакими усилиями нельзя заполучить в солярии, волосы Олега действительно казались очень яркими и серебристо-голубоватыми. Светлые глаза сияли в предвкушении. Типичная «заграничная» улыбка оживлялась и углублялась чисто русской и не особенной скрываемой растерянностью, которая в контексте прочего выглядела почти трогательно. Пара привлекала внимание.

– Черт побери, Тоник! – прошептал Виталик, дергая Антонину за рукав. – Однако, эффектный у тебя папаша!

– А то! – ответила Антонина. – Фирма веников не вяжет.

В этот момент Олег увидел Анджу, хотя вообще-то первой (хотя бы из-за роста) он должен был увидеть Антонину. Тут же его взгляд словно расплавился, и на какое-то мгновение всем заинтересованным лицам помстилось одинаковое, жуткое, почти научно-фантастическое: из глаз Олега исчезли зрачки, то есть черные дырки как будто бы закрылись, оставив только ослепительно-льдиное бледно-голубое сияние. Казалось, что на встречающих взглянуло какое-то древне-ацтекское божество (прим.авт. – Бог древних ацтеков, прибытия которого они ожидали из-за океана, мыслился ими светлокожим и голубоглазым.)

– Не может быть! – сказала Ленка.

Анджа качнулась навстречу и одновременно сделала шаг назад. Антонина осторожно поймала мать за рукав пальто и держала, как будто бы та могла убежать.

Тем временем юноша подошел к встречающим, поставил на землю сумку (она впечаталась в пол так, как будто была наполнена кирпичами), сдернул с головы шляпу, отвесил всем общий, какой-то очень латиноамериканский поклон, выпрямился, а потом, снова склонившись, поцеловал руку Антонине. Поскольку все это было проделано молча, с серьезным выражением лица, то, несомненно, произвело достаточно сильное впечатление.

– Не обращайтесь внимания, – сказал, подходя, Олег. – Кай перестанет стесняться и тогда его манеры будут менее экзотическими... Здравствуйте!

Современная цивилизация, несмотря на весь свой индивидуализм (а может, именно благодаря ему) очень положительно относится к невербальным контактам. Только что на глазах всей компании переобнимались и перецеловались целый самолет немцев и их друзей, родственников, дальних и ближних знакомых. Однако, на мгновение все застыли.

Потом Лена решительно шагнула вперед и обняла Олега. Он благодарно чмокнул ее в лоб, и попытался в свою очередь облапить Анджу. От созерцания этой картины трем разным людям одновременно (Виталику, Лене и Антонине) пришла в голову мысль, в которой фигурировал образ телеграфного столба.

– Здравствуй, отец. Здравствуй ... Кай, – сказала Антонина.

– Здравствуйте. Как погода в Мексике? – спросил Виталик.

– Спасибо. Погода в Мексике прекрасная, – ответил Олег. – Ясно и солнечно.

Кай шелкнул каблуками остроносых, ручной работы ботинок и приветственно оскалился в сторону Виталика.

– Ваше общение похоже на тренинг социальных навыков в сумасшедшем доме. Полет над гнездом кукушки, – сказала Лена. – Пойдемте в машину. По дороге все придут в себя.

В машине Кай сел на место рядом с водителем, Анджа – с Олегом, а Антонина с Виталиком разместились сзади. Сумки прибывших, которые оказались просто парадоксально тяжелыми, положили в багажный отсек.

– Мы с Каем забронировали отель, – сказал Олег.

– Замечательно, – сказала Анджа и, кажется, облегченно вздохнула. – Но потом, когда вы положите вещи, приведете себя в порядок и все такое, милости прошу ко мне. Мы с Леной приготовили стол...

– Непременно. Спасибо.

– Кеша... то есть, Кай, а ты помнишь русский язык? – спросила Лена, не отрывая взгляд от дороги.

– Си, – с готовностью ответил молодой человек и снова дружелюбно оскалился.

Лена только тяжело вздохнула.

* * *

– Можно войти? Я не помешал? – после стука дверь отворилась и на пороге комнаты показался высокий белокожий юноша, похожий на оживший корень сельдерея. Несмотря на наличие всех положенных членов, высматривалась в его фигуре какая-то внешняя бесформенность, являвшаяся, по-видимому, лишь отражением происходящих внутри процессов. – Если помешал, я могу на кухне посидеть или у Егора.

– Ну что ты, Дмитрий! Как ты можешь нам помешать – ведь это твоя комната, – обстоятельно возразила Ольга, для убедительности даже исключив из речи свое обычное «да». – Заходи. Мы рады тебя видеть. А если бы мы с Владимиром хотели уединиться, пошли бы ко мне.

– Правильно, – подумав, согласился Дмитрий, прошел в комнату, сел на свою тахту и оглядел друзей таким взглядом, как будто их разлука длилась не несколько часов, а несколько месяцев или даже лет, и теперь он искал следы произошедших в них перемен. Ничего не обнаружив (что не удивительно), Дмитрий сплел длинные пальцы, прикрыл глаза и сказал. – Слова – удивительная вещь. Они как будто живые. Я вам сейчас скажу просто слова, а вы попробуйте угадать, про что это. Хорошо?

– Хорошо, – разом сказали Ольга и Владимир и приготовились слушать, развернувшись в сторону друга и вроде бы совершенно не удивившись предложению Дмитрия.

– Навстречь,
Бесперечь,
В печь! В печь!
Речь,
Обречь,
Меч,
Нет свеч,
Сберечь,
Лечь! Лечь!
Извлечь
И сжечь
Стеречь,
Увлечь
С плеч! С плеч! –

Дмитрий замолчал и смотрел на юношу и девушку, не торопя их даже взглядом.

– Да. Я думаю, это про то, как кто-то хотел от чего-то отвертеться, но у него не очень-то получалось, – сказала, наконец, Ольга. – Он уж и так, и эдак, а оно все равно тут.

– Я полагаю, лирический герой хотел избавиться от части себя, – добавил Владимир. – Но это – невозможно.

– Здорово, спасибо, – сказал Дмитрий. Видно было, что он не понял абсолютно ничего из сказанного. – А ведь это просто слова. Занятно, правда?

– Безусловно, занятно, – кивнул Владимир.

* * *

Антонина и Виталий увезли бывшего Кешку на экскурсию по вечернему Петербургу.

Все, включая самого Виталия, были уверены, что сегодня вечером Виталий отправится играть на бильярде. Однако, действительность оказалась иной. В награду – одинаковые иронические усмешки матери и дочери. Этот странный молчаливый Кай с его похожими на оскал готовыми улыбками казался опасным. Он был намного выше Антонины ростом, двигался по тротуару, как будто крался по лесу, и шляпа закрывала его глаза. И красивый отец Антонины, и дурацкий Кай – они оба были похожи на разбойников, флибустьеров из детских фильмов и книжек. Это тревожило Виталика.

Лена убежала домой фактически от полного стола, по звонку, который сама организовала столь очевидно, что это могло бы показаться даже грубым стороннему наблюдателю. Тому, кто плохо знал отношения подруг.

Олег сидел за столом и медленно, аккуратно, но непрерывно ел и пил. Анжелика давно наелась и стояла у окна.

– Почему ты не ешь? – спросил Олег. Она все еще не могла привыкнуть к тому, как он говорит по-русски. Грамматически правильно, но с отчетливым акцентом. – Ты сидишь на какой-нибудь диете? Сберегаешь фигуру? Я знаю: в Европе и Америке это модно. А в Мексике модно быть толстой. Мне нравится.

– Я уже наелась. Ты забыл: я всегда ела много, но быстро. Поэтому всем казалось, что я ем мало. Если тебе нравятся мексиканские стандарты, ты будешь очарован теперешней Светкой. Помнишь ее?

– Конечно, помню. Света всегда казалась мне привлекательной.

– Теперь ее привлекательность потяжелела килограмм на пятнадцать. А почему «Кай»? – спросила Анжелика. – Он же вообще-то Иннокентий. Можно было бы Кен...

– Кен – слишком по-американски. Он сам выбрал. Кай – из «Снежной королевы» Андерсена. Странник по звездам с берега северного моря, игравший лыдинками в вечности, забывший свое прошлое. По-моему, очень романтично...

– Пожалуй, хотя отчетливо пахнет твоей, а не его фантазией. И кому уготована роль Герды?... Расскажи мне о нем. Что с ним было за эти годы? Что он такое теперь?

– Он очень сильный, по-своему умный и совсем не несчастный, – объяснил Олег. – В строгом медицинском смысле называть его нормальным человеком, наверное, нельзя. Речь у него так полностью и не восстановилась. Тут, конечно, очень помешало то, что я его тогда увез из России, и ему пришлось сразу привыкать к испанскому, английскому...

– Ну, это трудно, конечно, но все же – жизнеспособно, – пожала плечами Анжелика. – А вот если бы ты его не увез, здесь его просто убили бы или, в крайнем случае, изувечили...

– Да, разумеется, – кивнул Олег. – Он закончил там специальную школу для глухонемых...

– Почему для глухонемых?! – изумилась Анжелика. – Он же слышит не хуже любой собаки!

– После приезда он, естественно, ничего вокруг не понимал и не почти не мог говорить, даже по-русски. Культурный шок. Я посоветовался по его поводу с тамошними психиатрами, и один из них – темпераментный латинос – дал мне дельный совет: обучить Кешку универсальному языку жестов, как обучают глухонемых детей. Традиции имплантации в общество глухонемых людей есть в каждой стране – сказал он. А потом, мол, поглядим. Я посоветовался с самим Каем и он воспринял эту идею на ура. Говорить жестами ему очень нравилось с самого начала пребывания в городе. Я нашел соответствующую школу в Мехико и устроил его туда. Он обучался великолепно, учителя просто не могли им нахвалиться. А учитывая, что он слышал всех окружающих, а я сначала старался говорить с ним по-английски, чтобы приучить его к международной речи... В общем, года через два-три он уже великолепно понимал испанский, умел на нем читать и писать, и кое-как понимал английскую речь, если говорил не носитель языка. В это же время он закончил школу для глухонемых. Мексика – страна еще более изворотливая, чем Россия. В Университет на исторический факультет Кай поступал как глухонемой. Мы все ввали, что он не слышит, но умеет читать по губам. В кабинетах чиновников я в красках рассказывал сериал про его происхождение (Тарзан, льды, волки, Петербург, русская мафия), они качали головами, цокали языками, охали, ахали... В конце концов отыскали какую-то квоту для инвалидов и приняли его на бесплатное место и фактически без экзаменов. Проучиться он сумел только два года, потом – ушел. Не мог высидеть на лекциях, не успевал конспектировать. Не мог прочитать нужное (очень большое) количество исторической литературы. Не мог общаться со сверстниками, жить студенческой жизнью. Я не стал его заставлять. Что поделать, если ему – не дано? Потом он работал со мной в экспедициях. Я его, конечно, кое в чем поднатаскал, но многое в нем было от природы, точнее, от предыдущих этапов биографии. Прекрасный проводник, очень надежный товарищ, очень внимательный археолог-практик, на замечательном уровне – археологическая интуиция, иногда просто

пальцем указывает, где нужно копать и – угадывает. У меня у самого такое появилось только лет через пятнадцать после начала работы в раскопе. Плюс, конечно, его прямо-таки невероятное чутье на лес и всяческую опасность. Несколько раз он фактически спасал жизни моих людей. Один раз и меня самого – тоже...

– Замечательно. Стало быть, не зря ты с ним столько возился... У тебя там, в Мексике, есть дети?

– Нет, – ответил Олег. – Только Антонина. И Кай. Но он, скорее, младший товарищ.

– А что же с его памятью?

– Я не считал нужным торопиться. На него и так слишком много всего свалилось за короткий промежуток времени. Шутка ли сказать? Ведь не случайно же он все это забыл – понятно, что мозг защищается. Ну я и боялся, как бы у него мозги не перегрелись. Да и говорить он почти не мог. Хотя еще в Мексике все тот же психиатр, который про глухонемых посоветовал, мне сказал: для того, чтобы была такая жуткая многолетняя реакция с полной амнезией, должно быть что-то еще, кроме перевернувшейся лодки. Слишком уж устойчивая, как выяснилось впоследствии, личность, чтобы мозг так долго прятался от уже известного Каю факта гибели родных. Но я не теребил его.

А потом он наловчился говорить по-английски, я поднакопил денег и в прошлом году мы поехали в Цюрих, к тамошним психоаналитикам. Анализ длился всего три месяца (это очень мало по тамошним меркам). Потом Кай от него отказался. Поскольку платил за все я, да и англоязычный Кай все-таки производит впечатление существа не до конца вмняемого, этот психоаналитик согласился со мной побеседовать. И сказал мне следующее: травма и амнезия Кая связана не с самой перевернувшейся лодкой, а с выбором, который пришлось сделать девятилетнему мальчику. Дело в том, что, когда лодка перевернулась, отца, по-видимому, ударило не то бортом, не то веслом, он сразу потерял сознание и утонул. А Кешка и его мать всплыли и держались на воде. Мать держала на плаву трехлетнюю сестру, которую она не выпустила в момент катастрофы. Кай уже и тогда был не по годам силен и прекрасно плавал. Он мог не только доплыть до берега, но и спасти девочку. Или попытаться спасти мать. А главное – он должен был сделать выбор...

– Боже мой... – прошептала Анджа.

– Вот именно... – откликнулся Олег.

Некоторое время оба молчали.

– И что же произошло дальше? – наконец, спросила женщина. – Он вспомнил?

– Об этом мы можем только догадываться. Погибающая мать, только что потерявшая мужа, скорее всего, повинувшись материнскому инстинкту, умоляла сына спасти дочь. Он... мне даже трудно представить себе...

– Так что же с девочкой?

– Я же сказал: мы можем только догадываться, что он теперь вспомнил и знает. Скорее всего, он вытащил девочку на берег, но не сумел ее выводить. Она, наверное, умерла у него на руках от переохлаждения или еще чего-нибудь в этом роде. Ведь три года – это очень мало. А мать он оставил погибать в волнах...

– Какая трагедия, страшно даже думать об этом. Понятно, почему он столько лет ничего не помнил... Но почему же вы приехали именно теперь?

– Кай попросил. Он ничего не объяснял мне, но я подумал: может быть, теперь, вспомнив, он хочет навестить могилу сестры и хотя бы символически проститься с матерью и отцом? Согласись, это вполне естественное желание...

– Ну конечно! Значит, вы поедете на Белое море?

– Не знаю. Мы еще не обсуждали с Каем наших здешних планов. Знаю только, что мне наверняка придется уехать на несколько дней в Москву. Там 25-27 мая будет конференция по археологии Мезоамерики. У меня доклад.

- Наверное, тебе захочется побольше пообщаться с Антониной...
- Сейчас мне хотелось бы побольше пообщаться с тобой. Но ты явно не горишь желанием... Кстати, этот Антонинин молодой человек... Он кто?
- Он – Виталик, продавец в магазине электроники. Она с ним живет уже несколько лет. Думаю, что вместе они по-своему счастливы.
- Почему-то мне кажется, что скоро этому счастью придет конец.
- Олег! Что за странные намеки?!
- Никаких намеков. Просто, да будет тебе известно, в древнеамериканских культурах очень много времени уделяли предсказаниям. Вот я и нахватался...
- Странно... и неприятно...
- Прости. Скажи, Анджа... А у тебя сейчас кто-нибудь есть?
- Олег, это просто смешно... И какое тебе до этого дело? Я же не спрашиваю тебя, как устроена твоя личная жизнь с привлекательными мексиканками приятной полноты...
- Ты могла бы спросить...
- Не буду. Это глупо. Вспомни, в конце концов, сколько мне лет.
- Я старше тебя на полтора года.
- Но, кажется, гораздо лучше сохранился. Во всех смыслах. Здоровый мексиканский климат...
- Белка, зачем ты хочешь меня обидеть? Неужели ты все еще не простила...
- Не называй меня Белкой. В нашем возрасте это смешно и глупо.
- Хорошо. Тогда скажи мне сразу, – возле носа, рта, на загорелом лбу Олега внезапно обозначились морщины, которые сразу сделали его старше лет на десять. Голос зазвучал резко и властно. – А что не смешно и не глупо? Что еще позволено в нашем возрасте и в нашем положении? Я буду знать и буду поступать в соответствии. В конце концов, я здесь – в квартире, в городе, вообще в стране – в гостях. А ты – хозяйка. Негоже гостю... Но мне хотелось бы сразу знать правила.
- Что б тебе этот вопрос задать лет эдак двадцать пять назад, – усмехнулась Анжелика. – Многое тогда могло бы сложиться по-другому.
- Да! – с вызовом подтвердил Олег. – Могло. Но ты не захотела. Никак не хотела смириться с тем, что другие люди могут быть *другими*, могут не желать жить по заранее, раз и навсегда установленным и подробно оговоренным правилам.
- Но так же удобнее, – с ноткой растерянности проговорила Анжелика. – Удобнее для всех. Меньше разочарований, обманов, непонимания.
- Видишь ли, милая Анджа, – Олег словно вспомнил о чем-то и голос его слегка смягчился. – Люди все-таки устроены чуть-чуть посложнее, чем правила дорожного движения и инспекция ГАИ, за их соблюдением наблюдающая. Хотя цель, конечно, та же самая – удобнее для всех.
- Возможно. Допустимо. Замечательно, – произнесла Анжелика, внимательно взглянула прямо в глаза Олега и с силой сплела длинные пальцы, словно удерживая себя от какого-то слова или шага. – Я – догматик, ретроград, примитивная натура, которая всю жизнь пытается гармонию алгеброй... и так далее. Готова со всем этим согласиться, тем более, что не один ты мне это говоришь. Все не могут ошибаться, где-то, конечно, они правы. Но ты-то, ты-то сам... Как ты себе все это представлял? Являешься спустя много лет такой загорелый, импозантный, улыбающийся, хвост колечком... дружелюбный, как бродячая дворняжка... и все раскрывается тебе навстречу, одна сплошная радость и счастье? Ты-то ведь (мы уже это допустили) натура не примитивная!
- Нет, – вздохнул Олег. – Имея дело с тобой, ни на что легкое и воздушное я не рассчитывал... Мне жаль только, что ты так настроила Антонину...

– Ерунда! – Анжелика энергически взмахнула рукой. – Никак я ее не настраивала. Наоборот, я была бы счастлива, если бы она воспользовалась твоими предложениями, посмотрела мир, поехала бы куда-нибудь учиться. Она же фактически так и не имеет никакого образования, если не считать этих секретарских курсов. Неужели ты думаешь, что я от этого в восторге?

– То есть, ты хочешь сказать, что она сама, без твоих рекомендаций, отказалась и от моей помощи, и от моего участия в ее судьбе?

– Да разумеется! Я же тебе уже сказала, она сделала это *вопреки* моим рекомендациям!

– А как же она тебе это объяснила? Должна же была как-то...

– Ссылкой на Туве Янссон.

– ?!

– Это такая скандинавская писательница. Про муми-троллей, помнишь?

– Да. Правда, весьма смутно.

– Ну, если хочешь понять дочь, перечитаешь. Антонина сказала, что для восстановления равновесия среды просто обязана быть хемулем, если уж у нее оба родителя – ярко выраженные Снусмумрики.

– Я вспомнил. Снусмумрик – он всегда уходил. Внезапно, не прощаясь. И сочинял песенки.

– А Хемуль делал зарядку, сидел на диете и собирал гербарий.

– Ну ладно. Я – Снусмумрик, я сбежал, уехал в Мексику. А ты-то почему? Куда ушла ты? Я не понял.

– Я эмигрировала на Землю королевы Мод.

– Что? В каком смысле? Земля королевы Мод?! Это... это что-то в Антарктиде, кажется...

– Именно в Антарктиде, – кивнула Анжелика.

– Я не понял... я не понимаю... Белка! – почти жалобно вскрикнул Олег. – Ты меня запутала. Я – уже почти латиноамериканец. Там все просто и, главное, снаружи. Я отвык от сложностей русской души!

Анжелика тихо, волнуяще засмеялась. Как будто бы торжествуя победу. Олег опустил голову и прикрыл глаза большой смуглой кистью, на которой ярко выделялись розовые, чистые ногти.

* * *

– Ну что они там? Рассказывай, Ленка! – велела Света.

В просторной комнате явно присутствовало несколько источников света, но ни один из них не был виден. На низком столике со стеклянной крышкой расставлены напитки и всякие, довольно странно скомпонованные между собой закуски: маринованные черемша и чеснок, орехи, засахаренные кусочки манго, папайи и еще чего-то круглого, вполне свежие бананы, виноград, красная и белая рыба, сушки с маком в большой хрустальной вазе.

Света полулежит в низком кресле, похожем на продавленный с одной стороны шарик для пин-понга, держит в одной руке бокал с вином, другой – то и дело тянется попеременно к разным закускам и засовывает себе в рот все подряд, без всякой видимой системы. Лена сидит в таком же кресле с ногами и маленькими глотками цедит ярко-желтый сок из высокого бокала.

– Слушай, Ленка, а почему ты ничего не ешь? – спрашивает Света. – Хочешь какого-нибудь салата? Или я горячее разогрею... Бережешь фигуру?

– Да нет, – отмахивается Лена. – Я все ем, только медленно. Ничего не нужно. Разве что булочки принеси пару кусков. Если у тебя есть, конечно. Что за маразм с этими сушками?

– Я вообще-то все ем с булкой или с хлебом. Да еще и чаем сладким запиваю. Диетолог мне сказал: нельзя. Ни хлеб, ни булку – слишком много углеводов. А я без всего есть не могу. Вот – сушки, тоже ведь, по сути, булка. Но во-первых, их есть неудобно и много не съешь, а во-вторых, я их грызть боюсь – протез новый, дорогой, как сволочь, вдруг сломается? А зубных врачей я с детства ненавижу...

Лена от души рассмеялась.

– Ага! Тебе смешно... – огорчилась любительница булки.

– У всех – свои проблемы, – утешила Лена.

– Ага, слыхала! – окрысилась Света. – У кого жемчуг мелкий, у кого – суп жидкий. У меня, конечно, жемчуг. А суп – у кого? Не у тебя же... А, у Любаши с Ирккой, наверное. Ты на это намекаешь?

– Светка, остынь и не заводись. У тебя не жемчуг, а невроз. И жрешь ты поэтому без остановки. Тебе бы не у диетолога, а у невропатолога полечиться, – заметила Лена.

– Вот еще, буду я таблетками травиться! – фыркнула Светка. – Лучше уж углеводы жрать... Ну ты вообще будешь рассказывать или как? Если еще нет, так я пойду булку тебе принесу и поставлю рагу в микроволновку...

– Не надо рагу, Светка, и булку тоже не надо. Я вот орешков сейчас... Знаешь, что меня больше всего поразило, в первую минуту просто едва с ног не сшибло? То, как они между собой похожи!

– Кто похож? – не поняла Света. – Олег и Антонина?

– Да нет! Олег и Антонина – что ж тут удивительного? Все-таки отец и дочь. Да и не так уж, кстати, она на него и похожа. Анджа и Олег!

– Как это?

– А вот так! Я и сама ничего не понимаю. Я же прекрасно помню Олега, да вроде он с молодости не так чтобы и сильно изменился. У них с Анджей не было никакого внешнего сходства! Ну, если не считать того несомненного факта, что все русоволосые, сероглазые европеиды похожи друг на друга больше, чем, к примеру, они же похожи на негров или на китайцев. А теперь – это просто жутко делается. Оба высокие, седые, все черты как будто одним и тем же резцом прорезаны, а в глазах какой-то такой переменчивый, разноцветными искрами блеск... ну вот, как в твоей хрустальной вазе. И еще: даже не глядя друг на друга, они двигаются – почти синхронно. Прямо мистика какая-то! Знаешь, бывает такой феномен – старички-супруги становятся друг на друга похожи ко времени золотой свадьбы, или еще чище – собаки часто похожи на своих хозяев. Но это, в конце концов, понятно и легко объяснимо на вполне материалистической основе. А тут? Они же близко знали друг друга всего около года, никогда не жили вместе, а потом полжизни провели на противоположных сторонах планеты, практически не общаясь между собой. И вот эта странная одинаковость. Они похожи на брата и сестру, давно потерявших друг друга. Ты понимаешь, как это может быть?

– Конечно, понимаю, – с наигранной ленцой, слегка шепеляво от накиданных в рот орешков и засахаренных фруктов, ответила Света. – Странно, что не понимаешь ты. Хотя... прости, это-то как раз понятно. Ты же, Лена, никогда и ничего не ставила на карту страстей, и потому просто не знаешь, как это работает.

Лена ничего не ответила, но как будто бы чуть-чуть побледнела под слоем компакт-пудры.

– Олег и Анджа похожи как два человека, выжившие после одного и того же пожара. Представь: обгоревшие лохмотья, лица в саже, руки в ссадинах. Тут, пожалуй, и негра от китайца не очень-то отличишь... В самом начале судьбы их опалило одним и тем же пламенем, и всю свою дальнейшую жизнь они строили в соответствии с этим. Вовсе неудивительно, что получилось одинаково. А что до половины планеты и половины жизни... Только в юности можно верить, что это – надежное расстояние, и достаточное время, чтобы забыть. Ерунда!

Еще фантаст Иван Ефремов писал о том, что в подобных случаях мало и половины Галактики, и сотни тысячелетий...

– Светка, Светка, Светка... – тихо сказала Лена. – Замолчи сейчас... Светка, Светка...

– Что, подруга? В чем дело?

– Я сейчас умру от зависти!

– Да-а? – прищурилась Света. Полная рука замерла на середине пути к тарелке с маринадами, и женщина внезапно сделалась похожей на свою падчерицу, Анастасию Зоннершайн. – Андже завидуешь? А что ж тебе, Леночка, помешало-о то-оже?...

– Молчи, Светка, молчи, прошу тебя...

– Хорошо, молчу. Но ты не расстраивайся. На весах Вечности жизнь человека может оказаться очень большой или очень маленькой. Но никто наверняка не знает, от чего это зависит. Тем более в молодости, когда и приходится выбирать...

– А сейчас, Светка, а сейчас? – с лихорадкой во взоре спросила Лена, судорожно скусывая с губ сверхстойкую помаду. – Сейчас мы, по-твоему, уже ничего выбрать не можем?

– Отчего же нет? Можем, наверное, – Света поерзала, поудобнее промяв крутыми бедрами свое диковинное кресло. – Но – смысл? У тебя, Ленка, хоть дети есть... И у Анджи с Олегом – Антонина.

– При чем тут дети?

– При том. Вообще-то, я так думаю, после климакса женщина должна воспитывать внуков. Если, конечно, обстоятельства сложились благоприятно.

– А у тебя уже был климакс?

– Не знаю, вроде бы еще нет. Для меня, как ты знаешь, это значения не имеет. Детей у меня нет, а Настька с внуками не торопится. Это только Ирке у нас как всегда повезло...

– А что должны делать мужчины?

– Ну, они могут до смерти делать вид, что у них климакса не бывает. Все равно у нас в России мужики долго не живут. Даже до шестидесяти, вроде бы, по статистике не дотягивают. И правильно, между прочим, делают. Вон у моего мужа, Леонида, сейчас как раз психический климакс – так это застрелиться легче, чем так жить.

– Ой ли?

– Конечно, – убежденно сказала Света. – Им воспитание внуков по психологии и естественному ходу вещей не положено, стало быть, согласно Дарвину: надо оставить ученых, ну и прочих стратегов поумнее – в качестве вожаков, а остальные – могут стреляться.

– Добрая ты все-таки, Светка, просто сил нет, – задумчиво протянула Лена. – А знаешь, у моего мужа, пожалуй, тоже... Только вот я как-то так не думала, как ты говоришь... И он ведь существенно моложе твоего Леонида...

– Да это ведь туда-сюда, плюс-минус три лаптя, – сказала Света. – Твой-то, уж прости, и раньше куда скучнее моего был...

– Гм-м... А как у Иры дела? Ты с ней давно виделась?

– Пересекались как-то у Анджи. Я минут пятнадцать выдержала и убежала. Ирка говорит и думает только о Мариночке.

– Так ее Никитка на маме этой Мариночки все-таки женился?

– Нет, конечно. Подозреваю, что и не собирается. Такие прохиндеи, как Никитка, женятся только в самых крайних случаях.

– А ребенок?

– А ребенок, по его понятиям, вовсе не крайний случай. Так, мелкое недоразумение. Говорит: я ее рожать не заставлял, да и все остальное было по обоюдному согласию.

– Вот мерзавец!

– А то ты Никитку не знала и не видала во всей красе! Еще когда инспектором по делам несовершеннолетних работала...

– А чем он сейчас вообще занимается-то?

– Вроде бы автомобили ремонтирует и перепродает. Но точно – я так понимаю, что и сама Ирка не знает. Да ей это сейчас по барабану. Не знаю, как там с Никиткой обернется, но уж от бабушки Иры Мариночка и ее мама никуда не денутся. Ирка этого просто не допустит.

– Но это же, наверное, хорошо... – с нерешительно-вопросительной интонацией сказала Лена.

– Конечно, хорошо, – кивнула Света. – Женщине с ребенком легче, и Ирка при деле. Только общаться с ней сейчас я, уж извини, совсем не могу. Никогда она особым умом не блистала, а теперь уж и вовсе... Трендит и трендит, остановить невозможно. «Мариночка то, Мариночка сё, а вот у Мариночки...» Голова кружится и тошнить начинается. У Анджи терпения больше – она ее слушает и даже головой в нужных местах кивает.

– Ты просто завидуешь, – улыбнулась Лена. – Вот родит Настька кого-нибудь, тогда поглядим, как ты запоешь...

– А еще неизвестно! – возразила Света. – Ирка всегда и над детьми чахла, как Кощей над золотом, и над муженьком своим запойным. А у меня вообще материнский инстинкт природой не иницирован. Может быть, я и не почувствую ничего.

– Почувствуешь, почувствуешь! – с непонятной угрозой сказала Лена. – Вот увидишь.

* * *

Весенний дождь не обещал грозу, но все равно пах озоном и молодостью. В сплетенье заоконных ветвей уютной влагой набухали почки. Полосатая кошка, не нашедшая своего счастья в марте, с решительной и мокрой мордой пробиралась по карнизу, направляясь от балкона к крыше соседнего флигеля.

Захваченные общим порывом, оживали даже неодушевленные предметы. На стеллаже пошуршивали между собой толстые почтенные книги и сварливо переругивались с лежащей под полками стопкой современных общественно-политических журналов. Старая вытертая овечья шкура ползала по дивану и пыталась пасть. Телефон звонил весело и истерично, едва ли не подпрыгивая на старой этажерке. Анжелика прихлопнула его рукой, как лягушку в траве, и почувствовала, как трубка ткнулась ей в ладонь мокрым собачьим носом.

– Здравствуйте, Анжелика Андреевна! Простите, что осмелился побеспокоить вас. Скажите, пожалуйста: могли бы вы сейчас оказать мне любезность и уделить минуту вашего внимания?

Сочтя телефонного шутника достаточно корректным, Анжелика велела ему продолжать.

– Прежде всего, позвольте представиться: меня зовут Владимир. Ваш телефон дал мне Аркадий Николаевич, ваш бывший сосед по коммунальной квартире на Лиговском проспекте. Он сказал, что вы, может быть, вспомните его...

– О, Аркадий! Конечно, я прекрасно его помню, – Анжелика обрадовалась и встревожилась одновременно. – Где он сейчас? Что с ним? Он попал в какую-то переделку? Ему нужна помощь?

– Покорно благодарю, – ответил все тот же ровный голос на другом конце провода. – Аркадий Николаевич сейчас находится в больнице психо-неврологического профиля, но его состояние, несомненно, улучшается. Дело, с которым я обращаюсь к вам, касается Аркадия Николаевича только отчасти. Он сказал мне, что я могу осмелиться просить вас о личной встрече...

– О господи! – вздохнула Анжелика. – Разумеется, я встречу с вами, если Аркадий просил об этом и даже дал вам мой телефон. Но скажите, Владимир, вы что, лежали с Аркадием Николаевичем в одной палате? И вас просто раньше выпусти... то есть, я хотела сказать – выписали из больницы?

«Может быть, он обидится и не станет настаивать на встрече?»

– Мне никогда не доводилось лежать в психиатрической больнице, – спокойно ответила трубка. – Хотя я и воспитывался в интернате для детей с неврологическими заболеваниями...

– А! – воскликнула Анжелика. – Я поняла! Вы, Владимир, один из бывших воспитанников Аркадия, из того интерната, в котором он работал. Может быть, я даже вас когда-нибудь видела.

– Безусловно. Я тоже имел честь встречаться с вами, хотя мы и не были официально представлены...

– Боже мой, достаточно! Вы знаете мой теперешний адрес?

– Да, Аркадий Николаевич был настолько любезен... Но я, разумеется, никогда не осмелился бы без звонка...

– Владимир, немедленно прекратите! Кто обучил вас этой странной манере разговора?

– Учительница этикета Анна Сергеевна...

– Чьи заветы вы бережно храните в своем трепетном сердце, исполненном благодарности за проявленную к вам любезность и открытый для отдохновения и благостного преобразования ума источник мудрости, в котором вам и вашим сподвижникам по интернату было позволено черпать, докуда не переполнятся кладовые вашего почтительно внимающего разума. – Анжелика остановилась, чтобы перевести дух. Трубка молчала, но источала при этом флюиды почтительного восхищения. – Приезжайте в понедельник, Владимир, в любое время после семи вечера. И слушайте напоследок анекдот. «Английский лорд после кораблекрушения очутился на необитаемом острове. Он построил три хижины. Через некоторое время его обнаружили с другого корабля. Один из высадившихся матросов спросил:

«Сэр Джон, а зачем вам одному три хижины?»

«Видите ли, в одной из них я живу, другая – это клуб, который я посещаю, а третья – клуб, который я игнорирую.»»

Договорив, Анжелика слегка отодвинула трубку телефона от уха, ожидая смеха собеседника.

– Спасибо, – ответила трубка спустя несколько мгновений. – Я обязательно подумаю об этом анекдоте. До встречи, Анжелика Андреевна.

Глава 5

– Время бандитского капитализма в России прошло. Все так говорят, да, наверное, это и вправду так. И черт с ним! Не очень-то его и жалко, этого времени, когда могущество, богатство и сама жизнь измерялась только наличной наглостью и количеством стволов в руках верных тебе «пацанов», готовых в любую минуту прибыть на разборку из гнилых кабаков и постелей раскрашенных дешевок. Верных... Ха-ха! Верность мерили все той же наглостью, и к более рисковому и жестокому переходили целыми группировками, а самые борзые, едва подрастая, объявляли о своей самостоятельности и претензии на долю в пироге. И, как правило, тут же гибли от руки более опытных. Закончились гангстерские войны... И пес-то с ними! Вовсе дурак тот, кто до сих пор за стаканом водки вздыхает «о былых боевых временах», о несущихся в ночи беэмухах, ошетилившихся сборным огнеплюющим железом и молодыми обезьяньими амбициями, об игре нервов на лесных полянах и площадках первых частных бензоколонок, освещенных скудными огнями. Такой же идиот, как те из лохов, кто, побывав на настоящей войне, до конца жизни с зеленой соплей вспоминает о «воинском братстве» и времени, когда гнил в окопах во имя тухлых амбиций сволочей-политиков и экономических интересов продавцов оружия и воротил наркобизнеса. Все это для тех четырнадцати павианов из пятнадцати, которым по древнему, еще до людей придуманному положено уйти в расход. Встать «на перо», сдохнуть, спиться, быть застреленным, просто тихо гнить в своей однокомнатной, засранной донельзя берлоге на окраине – не все ли равно? Пятнадцатый павиан должен не только выжить, но и стать «бугром», вожаком, главным, оставить плодovitое и жизнеспособное потомство. Так говорила в ментовском кабинете во время следствия эта... Черт, ведь и телкой-то ее не назовешь... Женщина, да! Единственная женщина с умными и нежадными глазами, которую он видел в своей жизни. Не будь ее, был бы уверен, что ум и жадность просыпаются в телках одновременно и в одном и том же месте. Сказать, в каком?... Наплевать! От суда он тогда отвертелся – и это главное. Пятнадцатому павиану нет дела до телок, и того места, которым они живут и думают. А та женщина, разумеется, исключение. И не случайно с ней рядом не было мужика. Но это хорошо, что она тогда при нем объяснила. Это правильно. Что же нужно пятнадцатому павиану теперь, когда закончилось бандитское время? Нет вопросов. Сегодня даже сосунки из старших классов дворовых школ (именно из такой школы его когда-то, много лет назад исключили за хулиганство) доподлинно знают об этом. Деньги! Они сегодня дают ответы на все вопросы, затыкают все рты, заставляют сиять многоцветный (а не голубой, как во времена его детства!) экран телевизора и бегать по листку виртуальной бумаги бодрые перья талантливых борзописцев. Пятнадцатого павиана сегодня определяют деньги, которыми он может распоряжаться по своему усмотрению. Выиграли в гонке бандитского времени те, кто не просто выжил, но и сумел ухватить за хвост синюю птицу удачи, превратить ее из наглости и подручных стволов в легальный и внешне законопослушный бизнес. Это было даже не очень сложно когда-то (поскольку законодатели, а значит, и законы, продавались так же, как и все остальное), но все равно мозгов хватило у немногих. Трудно одновременно уметь стрелять и, не дрогнув, стоять под дулом и думать о прибылях и оборотах. Кто же ухватил птицу счастья? Эти... из новых зубастых, которые не успели подрасти вовремя, кивают на жидов, кавказцев и прочих масонов. Якобы они все расхватали. Сомнительно это. Отчего так, по какому признаку? Разве что действительно – избранный Богом народ, и он им напрямую помогает. Это еще Тимоги, который сам еврей, говорил. Избрал и – пожалуйста за черту оседлости, в озверение погромов, в газовые фашистские камеры... Сомнительно как-то. Про павианов – понятнее. И даже у старых воров было понятнее и честнее: воровской фарт – он либо есть, либо нет. Будь ты хоть русский, хоть еврей, хоть вообще китаец какой-нибудь. Боян занятно рассказывал про старых, еще послевоенных воров... Про Большого Ивана... Вот она – синяя птица счастья,

которую упустил, не сумел словить. Клад Большого Ивана, несметные сокровища, которые не то его отец, не то его дед спер у коммунистов. (Тот же Боян все ими восхищался. Говорил: коммунисты – еще те воры были, на много лет фартовые – едва ли не полпланеты под себя подгребли! И ведь как Закон соблюдали! Сами никогда не работали, все для других планы составляли и идеологию блюли. Великие воры! Смешно...) А ведь фактически держал этот клад в руках. Караулил сокровища на Лиговке, где во время войны терялись их следы, и вдруг... Пащенок погибшего Ивана сам попал к нему в банду по пустому стечению обстоятельств. Вот он – фарт! Слабоумный мальчишка, вполне возможно, знал что-то про клад. Или вспомнил бы рано или поздно. Или иным образом навел... Он жил с ним почти два года, ел, фигурально выражаясь, из той же миски, спал возле кровати, как собака. Кто же мог подумать, предположить даже, что он – сбежит?! Без документов, не умея читать, писать, практически не умея разговаривать... Но он все-таки сбежал, прятался, уворачивался, а потом и вовсе сгинул куда-то, кажется, его увезли за границу. Интересно, вспомнил ли он там что-нибудь? Вряд ли. За границей он, наверное, наоборот, все забыл окончательно. Россию, русский язык, родителей, все свои предыдущие приключения. Нигде и никак этот клад целиком не всплывал. Он следил на всякий случай. Ведь, чтобы его достать, пащенку Большого Ивана пришлось бы вернуться. А потом все это как-то превращать в деньги. На аукционах, или продавать в частные коллекции. Ничего не было... Значит, так и лежат где-то сокровища без пользы, ждут своего пятнадцатого павиана, который придет и обратит их в дело. Жаль... Ну разумеется, он не голодает, совсем даже не голодает. Разумеется, вписался в следующий этап. Бизнес, вложения, прибыли, ценные бумаги... Но как скучно все это! Кровь в венах течет синяя и холодная. Иногда по ночам он просто физически чувствует, с каким трудом она пробивается по сосудам к вяло трепыхающемуся сердцу. Как хорошо было бы бросить здесь все, муторное и вязкое, оставить тем, кому он нужен, этот гранитный город, похожий на склеп, покрытый изморозью, и уехать туда, где тепло и солнце, где пальмы, бананы, «и над баобабами закаты словно кровь» – вот, даже детская песенка вспомнилась – короче, туда, где живут настоящие павианы... Купить маленький остров, построить там дом в колониальном стиле, разбить сад, в котором круглый год будут цвести какие-нибудь цветы и летать бабочки, завести достаточно прислуги, устроить на берегу океана тир, в подвале – бильярд, привезти туда несколько преферансистов из числа старых мастеров, пару мулаток, не знающих ни слова по-русски, и одну индианку потолще с гирляндой живых цветов, лежащей на шее и грудях. И чтобы груди были большими, смуглыми, сухими и горячими (как надоели эти современные тощие диетические девки с мурашками на бледной, всегда влажной от какого-то крема коже, постоянно выпрашивающие какие-нибудь цацки!)... Увы! Не стоит обманывать себя. Здесь и сейчас ты вовсе не бедствуешь. Но для реализации и воплощения твоей мечты нужны совсем *другие*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.